E40
1831

Бунаков И.И.
О войне.

Б-910

И. И. БУНАКОВЪ (Фондаминскій).

О ВОЙНѢ.

(Рѣчь, произнесенная на съѣздѣ Всероссійскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ).

Цѣна 45 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
Изданіе Всероссійскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ.
1917.

Е 40 1831
Фундатинский, И. И.

И. И. Бунаковъ. (Фондаминскій).

О ВОЙНѢ.

(Рѣчь, произнесенная на съѣздѣ Всероссійскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ).

162

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Акц. О-ва Изд. Дѣла „КОПѢЙКА". Сайкинъ, 6, с. д.
1917.

Государственная публичная
историческая
библиотека РСФСР

1259011

РѢЧЬ О ВОЙНѢ.

Мы приступаемъ къ разсмотрѣнію самаго страшнаго изъ тѣхъ вопросовъ который не намъ здѣсь предстоитъ разрѣшить. Есть вопросы, товарищи, болѣе важные, болѣе значительные, какъ, напримѣръ, вопросъ о землѣ, какъ вопросъ о формѣ будущаго строя Россіи, но нѣтъ, товарищи, вопроса болѣе остраго, болѣе жгучаго, вопроса болѣе страшнаго, чѣмъ вопросъ о войнѣ. Ибо война, какъ грозная черная туча нависла надъ нами, какъ страшный кошмаръ давитъ нашу душу, не даетъ сосредоточиться на другихъ вопросахъ, не даетъ свободно творить нашу новую жизнь. Наше слово, слово Всероссійскаго Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ будетъ имѣть большой откликъ во всей странѣ. Наше слово будетъ вѣскимъ словомъ, поэтому, отнесемся къ нему осторожно, сосредоточимъ на нашихъ преніяхъ весь свой разумъ, всю свою волю, всю осторожность и всю свою страсть. Товарищи, откройте книгу исторіи, мудрую книгу исторіи, перелистайте ее внимательно, съ первыхъ страницъ и до послѣднихъ, и вы въ сей книгѣ исторіи не найдете страницъ болѣе страшныхъ, болѣе черныхъ, чѣмъ страницы, въ которыхъ записана исторія нашихъ дней, исторія нашей трехлѣтней войны. Никакія войны, которыя были до сихъ поръ, не идутъ въ сравненіе съ той, что происходитъ теперь. Ни татарское нашествіе на Россію, ни всемірное переселеніе народовъ, которое раззорило всю Европу, не принесли столько ужасовъ и смерти, сколько принесла наша кровавая война. Я вамъ приведу только нѣсколько цифръ, нѣсколько фактовъ для того, чтобы сосредоточить ваше вниманіе, для того, чтобы вырисовать передъ вами всю страшную картину, передъ которой мы стоимъ. По самымъ скромнымъ расчетамъ, въ первый годъ войны всѣ воюющія страны истратили 34 милліарда рублей. — Милліардъ — 1.000 милліоновъ, зна-

читъ, въ первый годъ войны было истрачено 34 тысячи милліоновъ рублей. Во второй годъ войны всѣ расходы увеличились. Было истрачено 66 милліардовъ рублей, слѣдовательно 66.000 милліоновъ рублей. Но это, товарищи, если принять во вниманіе только тѣ расходы, которые непосредственно тратятся на войну. Если сосчитать всѣ убытки, которые несетъ война, то цифры становятся еще страшнѣе, еще грознѣе. Если принять въ расчетъ не только деньги, которыя были непосредственно истрачены на войну, но также убытки отъ разрушенныхъ городовъ и селеній, убытки отъ того, что не было сдѣлано солдатами, которые стояли на поляхъ битвъ, если собрать все, что могли сдѣлать убитые и раненые, капитализировать цѣнность погибшихъ человѣческихъ жизней, то въ первый годъ было истрачено 100 милліардовъ рублей, т. е. 100.000 милліоновъ рублей, во второй годъ было истрачено 200 милліардовъ рублей, т. е. 200.000 милліоновъ рублей. За послѣдній годъ окончательный подсчетъ еще не сдѣланъ, но по приблизительному подсчету за три года войны было истрачено около 500 милліардовъ рублей, т. е. около 500.000 милліоновъ рублей. Въ одинъ день въ первый годъ войны всѣ державы тратили 215 милліоновъ, во второй годъ—350 милліоновъ, сколько истрачено за послѣдній годъ, я не знаю, но должно быть истрачено около 500 милліоновъ въ день. Если вы вспомните, что деньги сами по себѣ ничего не значатъ, деньги—бумага, но деньги выражаетъ человѣческій трудъ, человѣческую энергію, человѣческіе мускулы, человѣческій мозгъ, человѣческій потъ и кровь, если вы вспомните, что все это творится трудовымъ народомъ, то вы поймете, какая бездна человѣческой энергіи было выстрѣлено въ воздухъ, закопано въ землю, превращено въ прахъ и небытіе. Вы товарищи, которые въ потѣ лица своего зарабатываете хлѣбъ свой, вы, которые знаете, что значитъ непосильный трудъ, вы можете во всемъ объемѣ понять весь ужасъ, всю необъятность этого растрачиваемаго человѣческаго труда, человѣческаго мозга и мускуловъ. И все таки, это еще не самая страшная цифра, не самый страшный фактъ. Еще страшнѣе, когда мы подойдемъ къ человѣческимъ жизнямъ, которыя были загублены въ этой войнѣ. За два года войны, по самымъ скромнымъ расчетамъ, было убитыхъ четыре съ поло-

виной милліона, а раненыхъ одиннадцать съ половиной, изъ нихъ около трехъ съ половиной остались инвалидами и калѣками на всю жизнь. За все время войны убитыхъ, раненыхъ, превращенныхъ въ инвалидовъ и калѣкъ на всю жизнь — около 25 милліоновъ. Если вы вспомните, что въ эти 25 милліоновъ людей входитъ самый цвѣтъ человѣчества, не дѣти, не старики, а молодыя жизни, самыя крѣпкія, самыя талантливыя, то вы поймете, какой ужасъ и раззореніе происходятъ на землѣ, какъ растрачиваются народныя деньги, трудъ, какъ растрачиваются человѣческія жизни, вы поймете, что ни одна война, ни одна эпоха ничего подобнаго никогда не видала и не знала. По статистическимъ даннымъ за 125 лѣтъ, съ 1790 по 1914 годъ во всей Европѣ всѣ войны вмѣстѣ не дали столько убитыхъ и раненыхъ, сколько дала наша проклятая европейская война. Если вы возьмете сейчасъ міровую карту, раскроете ее передъ собою и красной краской закрасите тѣ страны, которыя участвуютъ въ войнѣ, то вся карта міра вамъ покажется залитой одной красной краской крови, и мѣста гдѣ война не ведется, страны, которыя въ войнѣ не участвуютъ, покажутся вамъ утопающими въ этомъ необъятномъ морѣ крови. Я рисовалъ эту картину не для того, чтобы ужаснуть васъ. Я знаю, что вы всѣ жили эти три года въ ужасѣ, я знаю, что каждый изъ васъ много потерялъ, многіе видѣли смерть въ лицо, у каждаго нервы напряжены, у каждаго есть близкіе убитые или раненые. Я вамъ рисовалъ эту картину для того, чтобы вы во всемъ объемѣ поняли смыслъ происшедшаго, чтобы мы сумѣли подойти къ этому вопросу во всемъ его величіи, чтобы мы сумѣли дать настоящій, правильный отвѣтъ. Достаточно этой страшной картины, которую я вамъ нарисовалъ, чтобы мы всѣ какъ одинъ человѣкъ, прямо, рѣшительно, рѣзко сказали: для трудового народа война непріемлема, трудовой народъ войны не хочетъ и не можетъ желать, для трудового народа война есть самый злѣйшій врагъ, и всѣ силы, всю энергію трудовой народъ, долженъ отдать на борьбу съ этимъ кровавымъ ужасомъ. Если понять это, тогда станетъ яснымъ насколько ничтожны и незначительны тѣ вопросы, которые обычно обсуждаются, тѣ вопросы, которые раздѣляютъ партіи и фракціи.—Вопросъ о томъ, кто началъ войну, кто виноватъ, кто больше виноватъ, кто меньше вино-

вать въ этой войнѣ. Одни считаютъ, что больше виновата Германія и ея союзники въ этой войнѣ, что именно въ Германіи проявилась страсть и воля къ власти, къ захвату мірового могущества, гегемоніи, т. е. къ господству надъ всѣмъ міромъ и что она, воспользовавшись своей силой, объявила войну и напала на союзниковъ. Другіе говорятъ—не только Германія виновата и другіе также виноваты не меньше, потому что и тамъ во главѣ стоятъ не народныя массы, а классы капиталистовъ, правящіе классы, которымъ нужно завоеваніе другихъ странъ, нужны колоніи, захватъ чужихъ территорій, контрибуціи и т. д. Когда столкнулись два вооруженныхъ разбойника, кто изъ нихъ виноватъ, кто правъ, кто меньше виноватъ кто больше виноватъ, — и можно ли это разобрать и нужно ли разобрать?

Я нарисовалъ картину, которая поглощаетъ всѣ эти вопросы, ибо я говорю, что въ этихъ ужасахъ можетъ захлебнуться трудовой народъ и если онъ этого не желаетъ, онъ долженъ прекратить потоки крови, прекратить эту войну. (Бурные аплодисменты). Я на минуту попрошу васъ забыть всю эту ужасную картину, на минуту отвлечься отъ всего того ужаса, о которомъ я вамъ говорилъ. Возьмите снова книгу, мудрую книгу исторіи и снова ее перелистайте. Если вы внимательно будете ее перлистывать, то вы увидите, что самыя свѣтлыя страницы, страницы написанныя золотыми буквами опять приходятся на наши дни, на нашу эпоху. Надо ли вамъ товарищи говорить, что эти золотыя страницы вписаны нашей страной, что ихъ вписалъ нашъ народъ, вписала революціонная Россія. Товарищи развѣ это не чудо, что великая страна, страна въ которой живетъ 170 милліоновъ, которую населяютъ 103 народности, страна, которая занимаетъ 7-ю часть свѣта, страна, которая казалась и считалась самой отсталой, самой реакціонной страной, страна въ которой были милліоны рабовъ и ничтожная кучка рабовладѣльцевъ и во главѣ которой стоялъ рабовладѣлецъ и тиранъ Николай II—эта страна въ нѣсколько дней, въ страшномъ напряженіи почти безкровной революціи освободилась и стала самой свободной, самой передовой, самой демократической страной во всемъ мірѣ. Развѣ это, товарищи, не чудо? Съ гнѣвомъ и негодованіемъ иногда думаешь о тиранѣ, который держалъ въ рукахъ своихъ 170 милліоновъ человѣкъ, са-

момъ страшномъ, самомъ навистномъ для всей Россіи. И съ трудомъ вспоминаешь, что тотъ самый полковникъ Николай Романовъ, который недалеко отъ Петрограда находится подъ стражей и былъ самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ Россіи, а можетъ быть и въ Европѣ. Это дѣйствительно чудо передъ этимъ чудомъ блѣднѣютъ самыя великія, самыя прекрасныя событія, которыя мы знаемъ въ міровой исторіи. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Россія казалась самой отсталой страной, страной, гдѣ всѣ народности населяющіе Россію были угнетены, гдѣ народности натравливались другъ на друга, гдѣ слово «жидъ», «татаринъ» считались оскорбительнымъ словомъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и теперь здѣсь въ нашемъ собраніи мы видимъ представителей всѣхъ народностей. Есть великороссы, малороссы, бѣлоруссы, евреи, есть татары, мусульмане, есть кавказскія народности и всѣ они объединились въ одномъ братскомъ единеніи и слово «братъ», «товарищъ» стало самымъ роднымъ, самымъ близкимъ словомъ русскому народу. (Аплодисменты). Развѣ это не чудо? Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ все, что было талантливаго, все что было честнаго и благороднаго въ странѣ все это царскимъ правительствомъ отправлялось на висѣлицы, въ каторгу, въ изгнаніе, точно головы срѣзывались съ русскаго народа,— все молодое, все талантливое. А теперь кто нашъ министръ почтъ и телеграфовъ? Нашъ товарищъ Ираклій Церетели— бывшій каторжникъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія. (Аплодисменты). Кто нашъ министръ земледѣлія? Нашъ товарищъ В. М. Черновъ, членъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, Черновъ, который 10 лѣтъ пробылъ въ изгнаніи. Кто святая русской революціи? Бабушка, которая полъ жизни провела въ каторгѣ и ссылкѣ. Еще одно слово, чтобы вы увидѣли все величіе картины, которую я вамъ рисовалъ. Ни одна страна въ мірѣ, ни одна демократія въ мірѣ не шествовала подъ краснымъ флагомъ соціализма, а въ Россіи, самой отсталой, самой некультурной, какъ говорили странѣ, почти всѣ идутъ подъ краснымъ флагомъ соціализма: крестьяне, рабочіе и весь народъ. И когда, товарищи, я 1 мая, гуляя по улицамъ Петрограда видѣлъ какъ по его широкимъ мостовымъ стройными рядами, шеренга за шеренгой, шли подъ красными знаменами соціализма всѣ граж-

дане города Петрограда, всѣ рабочіе, всѣ мастеровые, ремесленники, прислуга, и всѣ національности, подъ своими знаменами, съ надписями на ихъ родномъ языкѣ, когда я увидѣлъ всѣ эти шеренги униженныхъ, оскорбленныхъ, всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ въ моей душѣ, душѣ человѣка, который 10 лѣтъ былъ въ изгнаніи и долго тосковалъ по русскому народу, по русской землѣ, въ моей душѣ проснулось жгучее чувство радости и мнѣ страстно хотѣлось крѣпко обнять весь русскій народъ и горячо цѣловать нашу родную русскую землю. (Аплодисменты).

Товарищи, передъ вами двѣ картины, картина первая— самыя мрачныя страницы исторіи и картина вторая— самыя свѣтлыя, самыя золотыя страницы исторіи. Совмѣстимы ли онѣ другъ съ другомъ? Возможно ли, чтобы эта война, которая уничтожаетъ трудовыя массы и растрачиваетъ ихъ энергію могла бы быть совмѣстима съ русской демократіей, съ русской республикой, которая отдала власть въ руки народа и во главѣ народа поставила соціалистическихъ министровъ. Совмѣстимо ли это одно съ другимъ. Нѣтъ, несовмѣстимо. Это двѣ стихіи, которыя другъ друга принять не могутъ, которыя сталкиваются и расходятся. Это двѣ стихіи, какъ вода и огонь другъ съ другомъ несовмѣстимыя— или вода зальетъ огонь или огонь выпаритъ воду. Это борьба между огнемъ—огнемъ русской революціей и водой ледяной—водой, война, и всегда борьба нашей русской демократіи съ войной мнѣ представлялась въ образѣ свѣтлаго рыцаря, борящагося со страшнымъ дракономъ. Кто побѣдитъ? Война ли революцію или русская революція войну. Разсмотрите исторію нашихъ дней, исторію русской революціи, исторію этихъ двухъ мѣсяцевъ. Раздѣлите ее на этапы и вы увидите, что эти этапы опредѣляла борьба съ войной, борьба которую демократическія, трудовыя массы вели за миръ. Съ чего мы начали товарищи? А вотъ съ чего.—Война ведется во всей Европѣ, во всемъ мірѣ за покореніе одной страны другой, одного народа другимъ. И прежде чѣмъ начать борьбу за миръ, мы должны были снять съ своей души грѣхъ, мы должны были сами очиститься, ибо благодаря самодержавію, благодаря царскому режиму, на душѣ русскаго народа, русскаго государства было много грѣховъ, было много покоренныхъ самимъ русскимъ народомъ наро-

довъ, было много угнетенныхъ націй. Мы начали съ самаго прекраснаго свѣтлаго акта. Мы начали съ того, что дали свободу всѣмъ народностямъ населяющимъ Россію. Прежде всего мы дали свободу Польшѣ... Мы сказали, что польскій народъ долженъ быть свободнымъ народомъ, что онъ самъ свободно долженъ рѣшить свою судьбу, что онъ долженъ собрать свое Учредительное Собраніе и долженъ рѣшить, какъ хочетъ онъ дальше жить, хочетъ ли онъ остаться съ Россіей, хочетъ ли присоединиться къ другимъ державамъ, хочетъ ли превратиться въ самостоятельное независимое государство. Мы вернули свободу Финляндіи, мы возвратили Финляндіи всѣ вольности, которыя у нея были когда то и которыя въ послѣдніе годы самодержавный режимъ у нея отнялъ, мы дали свободу всѣмъ народностямъ населяющимъ Россію, свободу во всемъ: свободу слова, собраній, дали право свободно исповѣдывать свою вѣру, дали право говорить, учить въ своихъ школахъ на своемъ языкѣ. И мы всѣ хорошо знаемъ, товарищи, что когда соберется Учредительное Собраніе, которое выявитъ волю русскаго народа, оно дастъ полное право самоопредѣленія всѣмъ національностямъ Россіи и что русская демократическая республика можетъ быть только республикой федеративной, свободнымъ союзомъ націй. (Аплодисменты). Товарищи, сдѣлавъ это, мы могли смѣло обратиться ко всему міру и сказать, что та демократія, которая освободила въ своихъ предѣлахъ покоренные народы, которая даетъ полную свободу самоопредѣленія всѣмъ національностямъ, эта демократія никому не можетъ быть страшна. Ни одна страна, ни одинъ народъ въ мірѣ не долженъ и не можетъ бояться Россіи. Если кто нибудь въ какой-нибудь странѣ, въ Германіи, въ Австро-Венгріи говоритъ трудовымъ массамъ, что Россія страшна, что русская революція совершилась для того, чтобы еще больше усилить войну, чтобы покорить другія народности—это неправда, и мы доказали это. Вотъ товарищи первое, что мы сдѣлали, не снявши грѣхъ съ своей души, мы не могли остановиться на этомъ. Надо было идти дальше. И здѣсь во главѣ русской демократіи стала та организація, которой мы должны низко поклониться и сказать спасибо за ея заслуги передъ революціонной свободной Россіей. Эта организація называется Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ

города Петрограда. Этотъ совѣтъ, товарищи, 14 Марта обратился къ народамъ всего міра, къ трудовому народу всего міра. Онъ сообщилъ въ этомъ воззваніи, что русское самодержавіе пало, что въ Россіи теперь царствуютъ трудовыя массы, свободная демократія, что свободная демократія не желаетъ никого покорять, что свободная демократія желаетъ бороться за миръ и что свободная русская демократія говоритъ демократіямъ всего міра, что настала пора, когда сами народы, трудовыя массы, должны взять въ свои руки рѣшеніе вопроса войны и мира. Онъ старался убѣдить демократіи всего міра, чтобы онѣ продѣлали тоже самое, что сдѣлали мы, чтобы онѣ заставили свои правительства бороться за миръ, чтобы народы Германіи, Австро-Венгріи и Турціи, гдѣ еще до сихъ поръ господствуетъ полусамодержавный режимъ, послѣдовали нашему-примѣру, свергли своихъ правителей и общимъ усиліемъ свободныхъ трудовыхъ массъ добились почетнаго и справедливаго мира для всего міра. Вотъ съ какимъ воззваніемъ обратился Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Но и на этомъ русская демократія не остановилась. Вѣдь это было обращеніе только Петроградскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ къ гражданамъ всего міра. Но во главѣ Россіи стояло отвѣтственное Временное Правительство, которое руководило судьбами Россіи и народы другихъ странъ могли сказать, что обращеніе одного совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ не дѣйствительно, оно не можетъ ихъ убѣдить въ томъ, что весь русскій народъ не желаетъ воевать, что весь русскій народъ стремится къ миру. И подъ вліяніемъ русской демократіи, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ Временное Правительство 27 Марта выработало декларацію обращенную ко всѣмъ гражданамъ, въ которыхъ оно говорило, что отнынѣ оно отказывается отъ завоеваній и аннексій. Товарищи, не забудьте, что эта декларація имѣла громадное значеніе, она содержала въ себѣ глубокій смыслъ, ибо не забывайте, товарищи, что въ тѣхъ договорахъ, которые заключала наша старая царистская Россія съ союзниками находился пунктъ въ которомъ Россія требовала себѣ очень многаго. Она требовала себѣ Польшу Австро-Венгріи и Польшу германскую, всю Польшу, она хотѣла объединить, но обьединить подъ своей державой. Она

требовала себѣ Арменію, требовала Константинополь, требовала себѣ Галицію, слѣдовательно Россія дѣйствительно вела въ этой войнѣ завоеванную политику. И когда русское временное правительство объявило, что оно отказывается отъ всякихъ аннексій, оно объявило о томъ, что отказывается отъ очень многаго, чего требовало раньше правительство самодержавное. И это должно было произвести громадное впечатлѣніе на страны всего міра. Но демократическая Россія на этомъ не остановилась потому, что Русскій народъ не довѣрялъ Временному Правительству, хотя это было правительство революціонное, постановленное волей народа, хотя въ это правительство входилъ нашъ товарищъ гражданинъ Керенскій. И все таки въ этомъ правительствѣ главенствовала буржуазія и во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ стоялъ человѣкъ, который примыкалъ къ такъ называемой имперіалистической группѣ русской буржуазіи, т. е. къ той группѣ, которая стремилась къ завоеваніямъ и расширенію предѣловъ Россіи, къ созданію «великой» Россіи. Тотъ фактъ, что во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ стоялъ Милюковъ, человѣкъ, которому трудовая демократія не довѣряла, этотъ фактъ вселялъ сомнѣніе, вызывалъ волненіе въ трудовыхъ массахъ и пока въ этомъ временномъ правительствѣ иностранную политику велъ этотъ человѣкъ спокойствія въ странѣ не было и не могло быть. Я, товарищи, очень сурово относился къ тѣмъ событіямъ, которыя разыгрались 20—21 апрѣля въ Петроградѣ. Вы знаете эти событія. Демократія потребовала отъ правительства, чтобы это извѣщеніе, эта декларація объ отказѣ отъ аннексій была отправлена въ видѣ ноты ко всѣмъ союзнымъ державамъ. Правительство согласилось, но умышленно или неумышленно оно сопроводило эту ноту, такими словами, которыя вызвали и волненія и взрывъ негодованія. Тамъ говорилось о войнѣ до побѣды въ такихъ выраженіяхъ, которыя могли вызвать представленіе, что русское правительство желаетъ вести завоевательную политику, что оно не хочетъ приложить всѣ усилія для достиженія мира. Предстала гражданская война, которую я осуждалъ всей душой, но которую можно было понять, что рѣшился жгучій вопросъ войны, отъ котораго зависитъ судьбы Россіи, судьбы Европы. Временное правительство было недостаточно энергично въ борьбѣ за миръ,

И вотъ, товарищи, теперь мы достигли удивительныхъ результатовъ. Русская демократія добилась того, что русское правительство находится въ рукахъ главнымъ образомъ соціалистовъ. Хотя они въ меньшинствѣ, но мы знаемъ, что ихъ сила заключается не въ ихъ количествѣ, а въ ихъ вѣсѣ, въ ихъ значеніи. Знаемъ, какую громадную роль игралъ одинъ товарищъ Керенскій во Временномъ Правительствѣ и мы знаемъ, какое громадное преобладаніе и вѣсъ при поддержкѣ всей Россіи будутъ имѣть наши министры-соціалисты въ нашемъ объединенномъ правительствѣ. Я съ радостью могу прочесть, что въ декларации новаго правительства, гдѣ участвуютъ наши товарищи, первый пунктъ гласитъ слѣдующее: 1. Во внѣшней политикѣ Временное Правительство, отвергая въ согласіи со всѣмъ народомъ всякую мысль о сепаратномъ мирѣ, открыто ставитъ своею цѣлью скорѣйшее достиженіе всеобщаго мира, не имѣющаго своей задачей ни господства надъ другими народами, ни отнятія у нихъ національнаго ихъ достоянія, ни насильственнаго захвата чужихъ территорій, мира безъ аннексій и контрибуцій на началахъ самоопредѣленія народовъ. Въ твердой увѣренности, что съ паденіемъ въ Россіи царскаго режима и утвержденіемъ демократическихъ началъ во внутренней и внѣшней политикѣ для союзныхъ демократій создался новый факторъ стремленій къ прочному миру и братству народовъ, Временное Правительство предприметъ подготовительные шаги къ соглашенію съ союзниками на основѣ декларации Временнаго Правительства 27 марта. Товарищи, теперь мы можемъ смѣло сказать, что русское правительство и русская демократія сдѣлали всѣ шаги къ тому, чтобы союзныя намъ державы отказались отъ всякихъ завоеваній, чтобы они приняли ту декларацію, которую приняло русское правительство, что мы сдѣлали всѣ шаги для того, чтобы демократія странъ союзныхъ съ нами и демократія странъ враждебныхъ оказывала вліяніе на свои правительства, а тамъ гдѣ правительство не поддается вліянію народа, чтобы оно свергло это правительство и замѣнило народнымъ. И наконецъ, послѣдній шагъ Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ—на дняхъ онъ выпустилъ воззваніе къ соціалистамъ всего міра съ призывомъ, чтобы соціалисты всего міра собрались всѣ вмѣстѣ и на общемъ собраніи обсудили условія мира и совмѣстными

усиліями трудовыхъ классовъ добивались отъ правительствъ скорѣйшаго мира, мира справедливаго и прочнаго. Теперь собрались мы—Всероссійскій Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ, отъ насъ ждутъ слова. Насъ спрашиваютъ, что сдѣлаемъ мы, какъ отнесемся ко всему этому. Товарищи, я могу заранѣе сказать, что вы согласитесь со мной, если я скажу что русское демократическое крестьянство не отстанетъ отъ рабочей и солдатской демократіи, что русскіе крестьянскіе депутаты объединены съ солдатами и съ рабочими, и въ этомъ единеніи будутъ вмѣстѣ бороться за осуществленіе скорѣйшаго справедливаго и прочнаго мира и пойдутъ по тому пути по которому до сего времени шелъ Совѣтъ раб. и солд. депутатовъ. Товарищи, я думаю, что только въ этомъ единеніи всей демократіи русской, рабочихъ, крестьянъ и солдатъ—сила русской демократіи и если какой нибудь расколъ и разъединеніе войдетъ въ ея ряды, сила эта разстроится и мы не добьемся тѣхъ результатовъ, къ которымъ мы всѣ стремимся. Но этого недостаточно, товарищи...

Крестьянская демократія до сихъ поръ не была организована. Теперь она собралась, теперь она главная сила русскаго народа. И она должна взять въ свои руки борьбу за миръ, должна сдѣлать все возможное, чтобы добиться скорѣе мира, она поддержитъ русское правительство, которое борется за миръ, она поддержитъ Совѣтъ рабочихъ и солд. депутатовъ въ его борьбѣ съ войной. Но съ своей стороны она должна предпринять новые шаги, она должна сказать всему миру свое слово. Какое слово? Вотъ какое. Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ обратился къ трудовымъ народамъ всего міра и призывалъ ихъ къ революціи, къ борьбѣ за миръ, но трудовой народъ всего міра можетъ сказать—это только воля маленькаго меньшинства, это не воля всего русскаго народа. Это только Петроградскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ и Петроградскій революціонный гарнизонъ, а какъ думаетъ вся Россія, все русское крестьянство, вся русская армія. Мы не знаемъ. Быть можетъ все русское крестьянство не солидаризируется съ рабочими, быть можетъ не зоветъ къ революціи, быть можетъ оно не стоитъ за миръ справедливый и прочный, быть можетъ русская крестьянская демократія стремится къ завоеваніямъ и побѣдамъ. Товарищи, чтобы разсѣять это, чтобы усилить

наше вліяніе, вліяніе русской революціи и русской демократіи, я вамъ предлагаю, чтобы Всероссійскій совѣтъ крестьянскихъ депутатовъ обратился съ пламеннымъ воззваніемъ къ крестьянству, къ трудовому народу всего міра и въ этомъ воззваніи сказалъ, что русская крестьянская демократія идетъ нога въ ногу съ рабочей и солдатской демократіей, что русская крестьянская демократія тоже хочетъ мира, что она борется за миръ, что она строитъ великую демократическую республику и въ этой великой демократической республикѣ она строитъ храмъ матери земли, что она борется за землю, что она хочетъ провозгласить право каждаго человѣка трудиться и жить на землѣ и что она зоветъ крестьянскую демократію всего міра къ той-же борьбѣ за землю и за свободу; что на пути къ этой борьбѣ, на пути къ землѣ и волѣ, стоитъ проклятая война, что русская крестьянская демократія зоветъ демократію всего міра бороться и добиваться скорѣйшаго и справедливаго почетнаго и прочнаго для всѣхъ народовъ мира, тогда, товарищи, мы сможемъ смѣло сказать, что мы все сдѣлали, для того, чтобы доказать всему міру и русской арміи, что мы боремся за миръ, хотимъ мира, что мы ненавидимъ войну. Мы можемъ положа руку на сердце, взглянувъ въ свою душу поклясться, что въ нашей душѣ нѣтъ никакихъ злыхъ помысловъ, нѣтъ желанія покорять кого либо, что либо отнять у кого либо. Мы должны сказать всему міру и русской арміи прежде всего, что крестьянская демократія вмѣстѣ съ рабочей демократіей не допуститъ, чтобы пролилась хотя одна лишняя капля крови русскаго народа, не позволитъ, чтобы война продлилась хотя бы одну лишнюю минуту. Мы можемъ смѣло сказать это и весь русскій народъ и весь міръ подтвердитъ это. Еще одно, товарищи, предложеніе вношу я. Мы обратимся съ воззваніемъ къ крестьянству всего міра. Кромѣ того мы пойдемъ на то собраніе соціалистовъ всего міра, которое созывается Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Первый разъ въ исторіи міра, первый разъ въ исторіи трудящагося міра и всего соціализма чистая крестьянская организація — Всероссійскій Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ явится на это собраніе трудящихся, на собраніе, на которомъ до сихъ поръ сходились главнымъ образомъ только рабочіе и скажетъ, что и кре-

стьянство идетъ подъ краснымъ флагомъ соціализма, что и крестьянство сливается со всѣмъ трудовымъ народомъ всего міра. Появленіе насъ, крестьянъ, на этомъ международномъ собраніи трудящихся, которое будетъ бороться за миръ и вырабатывать условія мира, произведетъ большое впечатлѣніе. Это послужитъ однимъ лишнимъ стимуломъ, однимъ лишнимъ ударомъ для уничтоженія войны и для созданія прочнаго и справедливаго мира. Вотъ товарищи путь, вступить на который я вамъ предлагаю. Путь борьбы съ войной, путь борьбы за миръ. Но за какой миръ? За миръ во что бы то ни стало? Нѣтъ, товарищи, не за миръ во что бы то ни стало. Мы не хотимъ никого обидѣть но мы не хотимъ дать и себя въ обиду. Мы установили справедливость у насъ въ рядахъ русской демократіи, мы должны установить справедливость и въ международныхъ отношеніяхъ, въ отношеніяхъ демократіи всего мира. Миръ во что бы то ни стало?—ни когда. Мы говоримъ — миръ справедливый и прочный. Мы хотимъ установить справедливость въ отношеніи международныхъ, какъ установили справедливость въ рядахъ русскихъ гражданъ, въ рядахъ тѣхъ народовъ, которые населяютъ Россію. И мы хотимъ мира прочнаго, ибо послѣ того ужаса, который мы испытываемъ въ теченіе трехъ лѣтъ, мы не желаемъ, чтобы черезъ годъ, два или пять снова возникла война, ужасная война, которая уничтожаетъ столько человѣческихъ жизней. Мы этого не хотимъ. Мы хотимъ создать такой миръ, который обезпечилъ бы на долгіе годы миръ народамъ. И я спрашиваю, товарищи, что же отвѣчаетъ этому справедливому прочному миру, какія условія? Вы хоромъ отвѣтите—это тріединая формула, формула столь всѣмъ знакомая, она несется какъ колокольный звонъ, какъ набатъ звучитъ она по всей Европѣ. Она вышла изъ нашей русской демократіи —безъ аннексій, безъ контрибуцій, съ правомъ всѣхъ народовъ на свободное самоопредѣленіе. Вотъ формула мира прочнаго и справедливаго. Почему? Мнѣ не надо долго объяснять. Миръ безъ аннексій. Ибо что такое аннексія? — Это насильственное отторженіе территоріи, насильственное присоединеніе части одного народа къ другому народу. Я думаю, что такое насильственное отторженіе и присоединеніе, миръ съ аннексіей не можетъ быть миромъ справедли-

вымъ, не можетъ быть миромъ прочнымъ. Ибо народъ, какъ и живой организмъ, всѣ части его срослись, всѣ живутъ одной жизнью. И какъ у человѣка, у котораго отрѣзана какая нибудь часть—страдаетъ, сочится кровью и не можетъ забыть объ отсѣченной части, такъ и страна—народъ, если вы отсѣчете живую часть, вы наносите ему незабываемую обиду, несправедливость, и долго народъ, вся страна будетъ мечтать, вспоминать объ отторженной части, и въ этомъ всегда будетъ залогъ новыхъ несправедливостей, новыхъ войнъ. Поэтому мы говоримъ нельзя желать мира во что бы то ни стало, нельзя чтобы одна часть народа была насильственно отторжена и присоединена къ другому народу. Мы знаемъ тотъ примѣръ. Въ 70-хъ годахъ у Франціи была оттортнута и присоединена къ Германіи Эльзасъ-Лотарингія, и до сихъ поръ Франція сочится кровью, до сихъ поръ Франція не можетъ забыть, что часть народа, живая, лучшая часть великой Франціи была оттортнута отъ нея и насильственно присоединена къ другой странѣ. Долгіе годы и до сихъ поръ Франція живетъ мыслью о томъ, чтобы вернуть эту оттортнутую часть, даже войной, даже насиліемъ—такъ нестерпима была эта обида. И долгіе годы во Франціи жили шовинистическія настроенія, желаніе во что бы то ни стало вернуть Эльзасъ и Лотарингію. Вотъ какія несчастія приноситъ миръ, который кончается анексіей. И той странѣ, къ которой присоединена часть чужого народа, счастья это не приноситъ. Не приноситъ счастья безчестная добыча. Не можетъ принести потому что въ одинъ народъ вливается чужой народъ, присоединяется чужеродное тѣло, которое всегда стремится оторваться и не можетъ никогда слиться въ одно съ чужимъ народомъ. Въ народѣ поработителѣ, вырабатывается желаніе переработать новое чужеродное тѣло, поработить его. Рождается угнетеніе и вся страна становится страной насилія и угнетенія. Это и случилось съ Германіей. И такъ, товарищи, первое условіе прочнаго справедливаго мира: миръ безъ аннексій, безъ насильственнаго присоединенія чужихъ народовъ и странъ. Второе условіе—миръ безъ контрибуцій. Я долженъ оговориться. Нельзя сказать чтобы всегда контрибуція являлась несправедливой, бываютъ случаи когда одна страна нападаетъ на другую, безъ достаточнаго повода, нападаетъ насильствен-

но, тогда быть можетъ справедливо, чтобы она заплатила за то, что она напала. Быть можетъ это и справедливо. Но не забывайте товарищи, что войну начинаютъ не народы, а ихъ правительства и правящіе классы, а отвѣчаютъ за войну, платятся за войну трудовые безотвѣтственные и невинные классы населенія. Если мы теперь создадимъ такой миръ, гдѣ одна страна будетъ платить другой странѣ, то будетъ ли это справедливо по отношенію къ трудовому народу этой страны? Будетъ ли справедливымъ, за вину правительства, въ моментъ заключенія мира возложить на трудовой народъ напавшей стороны новыя тяготы, когда онъ и теперь изнемогаетъ отъ тяжестей войны? Это не значитъ, товарищи, что ни одинъ изъ пострадавшихъ въ войнѣ народовъ не долженъ получить помощи, не можетъ быть вознагражденъ.

Бельгія и Сербія пострадали и не могутъ сами себя возстановить; и хотя мы говоримъ: «миръ безъ контрибуцій», но мы должны настаивать, чтобы Бельгія и Сербія были вознаграждены, чтобы Германія и Австрія, которыя принимали главное участіе въ разореніи Сербіи и Бельгіи приняли участіе и въ ихъ возстановленіи. Я надѣюсь, что и другія страны, въ особенности страны которыя извлекли выгоды за время войны, какъ Америка и другія нейтральныя страны, помогутъ Бельгіи и Сербіи стать снова цвѣтущими народами (рукоплесканія). Вотъ тов., что я понимаю подъ миромъ безъ аннексій. Еще товарищи нѣсколько словъ о мирѣ: миръ съ полнымъ правомъ народовъ на самоопредѣленіе. Не надо доказывать, что такой миръ будетъ миромъ прочнымъ и справедливымъ, я хочу показать нѣсколькими примѣрами, что это значитъ. Прежде всего мы будемъ требовать на всѣхъ конференціяхъ и конгрессахъ міра, чтобы такіе народы, которые находятся на рубежѣ между другими народами, какъ Польша, которая раздѣлена на три части, какъ Эльзасъ-Лотарингія и какъ Арменія, которую Турція теперь вырѣзала, чтобы прежде всего эти страны получили полное право на самоопредѣленіе; чтобы Польша, если она пожелаетъ, создала независимое, свободное государство, чтобы Эльзасъ-Лотарингія если народъ этого захочетъ, могъ вернуться къ Франціи. Мы будемъ настаивать, чтобы несчастная Арменія полу-

Государств. Публичная историческая библиотека РСФСР

чила право на самоопредѣленіе; если она захочетъ присоединиться къ Россіи, мы примемъ ее въ свои объятія, если не захочетъ отдѣлиться отъ Турціи, мы потребуемъ, чтобы она осталась подъ покровительствомъ европейскихъ странъ, чтобы онѣ не позволяли Турціи вырѣзать населеніе, какъ она вырѣзала уже полмилліона армянъ. Мы потребуемъ и будемъ настаивать, чтобы тамъ, гдѣ народы не получатъ самостоятельной государственной организаціи, они получили такую же автономію и самостоятельность, какую мы предоставляемъ въ предѣлахъ нашей Россіи всѣмъ народамъ, которые населяютъ Россію. Вотъ, что значитъ право народовъ на самоопредѣленіе. Къ этой триединой формулѣ, которая стала извѣстна всему міру, я настаиваю, чтобы Совѣтъ Крестьянскихъ Депутатовъ присоединилъ еще два условія. Первое условіе: требованіе разоруженія или сокращенія вооруженій, второе условіе — обязательный международный судъ, который разрѣшалъ бы всѣ конфликты между народами. Мы потребуемъ всеобщаго разоруженія, потому что трудовой народъ страдаетъ не только во время войны, но и въ мирное время, когда милліоны народныхъ денегъ тратятся на вооруженіе, которое является постоянной угрозой миру. Въ мирное время, мирнымъ гражданамъ запрещаютъ ходить съ оружіемъ, потому что когда человѣкъ вооруженъ, при небольшой стычкѣ онъ можетъ выхватить револьверъ, и въ мирной семьѣ народовъ мы должны запретить вооруженіе націй, потому что та нація, которая почувствуетъ себя болѣе вооруженной можетъ броситься на другую. Если мы не добьемся полнаго разоруженія, мы потребуемъ ограниченія вооруженій, мы будемъ добиваться, чтобы главныя націи, особенно Россія, Франція, Англія и Германія сговорились и сократили до минимума свое вооруженіе; къ нимъ легко присоединятся тогда и болѣе мелкія націи. Тогда не будутъ растрачиваться милліоны народныхъ денегъ. Тогда не будутъ гноить молодыя жизни въ казармахъ. Еще мы потребуемъ, чтобы конфликты между народами разрѣшались международными судами. Въ мирномъ государствѣ, когда происходитъ конфликтъ между двумя гражданами, они не хватаются за револьверъ, не бросаются другъ на друга, они идутъ въ

судъ и судъ разрѣшаетъ ихъ споръ. Мы потребуемъ, чтобы свободные народы Европы, въ свободной Европѣ, всѣ конфликты разрѣшались обязательнымъ международнымъ судомъ и, чтобы на ту націю, товарищи, которая не захочетъ подчиняться этому суду, на эту націю была управа со стороны всѣхъ остальныхъ народовъ. Всѣ остальные народы должны заставить ее подчиниться международному рѣшенію этого суда. Вотъ, что мы хотимъ провести. Я кончилъ изложеніе условій мира: это миръ безъ аннексій, безъ контрибуцій, съ правомъ народовъ на самоопредѣленіе, миръ съ разоруженіемъ и съ обязательнымъ народнымъ судомъ. Товарищи, неправда-ли — это миръ справедливый и прочный? Неправда-ли, товарищи, какъ я уже говорилъ, мы можемъ съ абсолютной искренностью и съ абсолютнымъ правомъ сказать, что мы, русская демократія боремся за справедливый и прочный миръ, и предпринимаемъ всѣ шаги, которые только въ нашей власти. Мы дѣлаемъ все, мы идемъ по крайнему пути, чтобы добиться международнаго вмѣшательства всѣхъ трудовыхъ массъ, для возможно болѣе скораго заключенія мира. Теперь я перехожу къ самому страшному вопросу, къ самому тяжелому пункту моего доклада. Товарищи, мы боремся за миръ, за миръ справедливый и прочный, и мы зовемъ трудовыя массы всего міра бороться за миръ. Мы заставили свое правительство сдѣлать все, чтобы добиться мира и мы сдѣлаемъ все возможное, чтобы заставить правительства нашихъ союзниковъ принять выставленныя нами условія мира. Но вы прекрасно понимаете, что не въ нашей власти, сейчасъ же заставить наши союзныя правительства всецѣло примкнуть къ нашей борьбѣ за миръ. Вы прекрасно понимаете, что еще труднѣе намъ приказать что нибудь нашимъ противникамъ, которые стоятъ передъ нами съ ощетинившимися штыками. Вы знаете прекрасно, что у нихъ даже нѣтъ свободной демократіи, что тамъ демократія должна произвести революцію и свергнуть своихъ правителей для того, чтобы заключить миръ справедливый и прочный о которомъ мы говоримъ. Чтобы добиться этого, чтобы произошла революція въ Германіи и Австріи, чтобы народы Европы заставили свои правительства заключить миръ

нужно время. Мы твердо вѣримъ, что время небольшое, что оно скоро наступитъ, что вотъ оно уже передъ нами, но все таки это не часъ, и не день, и не недѣля, это все таки, товарищи, мѣсяцы, быть можетъ полгода. Я васъ спрашиваю, какъ же быть сейчасъ, что намъ дѣлать сейчасъ, сію минуту. Я, товарищи, понимаю то настроеніе, которое есть въ русскомъ народѣ и въ русской арміи. Мы ведемъ три года войну, мы до безумія устали отъ войны, мы теперь стали свободнымъ народомъ, мы вышли на праздникъ свободы и каждому изъ насъ страстно хочется уйти отъ этой тяжелой войны, выйти на этотъ братскій праздникъ, — праздникъ свободы, и трудно, и мучительно тяжело сейчасъ, въ такой торжественный часъ; пойти и умереть. Я понимаю это, товарищи, и самъ испытывалъ то же, но, товарищи, гдѣ выходъ, какъ добиться того, какъ сдѣлать, чтобы миръ пришелъ сейчасъ, сегодня-завтра. Я долженъ сказать, товарищи, страшное слово, отъ котораго краска стыда бросается мнѣ въ лицо, слово, которое вызываетъ въ васъ крикъ негодованія, но слово, которое мы должны сказать.

Есть одинъ только способъ и мы должны это ясно понять, есть только одинъ способъ заключить немедленно миръ, прекратить немедленно войну: это миръ сепаратный, Другого способа нѣтъ. Мы должны ясно сказать: если мы хотимъ немедленнаго мира, то мы должны принять сепаратный миръ, и если мы его не принимаемъ, то мы должны ясно сказать, что мира сейчасъ, сію минуту быть не можетъ. Я знаю, товарищи, сепаратный миръ непріемлемъ, что вы кричите: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ» и все таки я буду говорить о сепаратномъ мирѣ, потому что есть люди, которые о немъ говорятъ; ихъ немного, но они есть и они смущаютъ; есть люди, товарищи, которые говорятъ громко о сепаратномъ мирѣ, но говорятъ о немъ прикровенно и они смущаютъ людей. Я скажу больше: у многихъ и многихъ бываютъ минуты унынія и тоски, когда идея сепаратнаго мира заползаетъ въ голову и сердце. И мы должны сказать ясно, опредѣленно, почему онъ невозможенъ, почему онъ непріемлемъ. Товарищи граждане, мы русская демократія, мы вышли на праздникъ труда и свободы, мы хотимъ бороться съ войной, мы хотимъ прекра-

тить войну только для себя, хотимъ ли мы дать себѣ миръ, а другимъ народамъ войну, или дороги намъ и другіе народы? Намъ нуженъ миръ, но миръ не только для насъ, но и среди другихъ народовъ. Не можетъ свободная демократія думать только о себѣ, не можетъ свое счастье строить на несчастьи другихъ (голоса правильно). Помните, что сепаратный миръ для насъ—это война длинная и долгая для другихъ народовъ! Сейчасъ у насъ есть надежды на общій миръ. Ибо наши противники чувствуютъ, что не смогутъ побѣдить всѣ союзныя арміи, не смогутъ добиться мира побѣднаго. Но, товарищи если мы уйдемъ, если германская коалиція сумѣетъ снять войска съ русской границы, турецкой границы, тогда она не захочетъ мира, тогда она бросится на союзниковъ и, съ большими шансами на успѣхъ будетъ примѣнять всѣ усилія, чтобы добиться полной побѣды. Но наши союзники, въ особенности Франція, въ которой прожилъ 10 лѣтъ, которую я очень хорошо знаю и люблю, ибо это свободная и мирная демократія, Франція будетъ бороться до послѣдней капли крови, чтобы отстоять свою свободу, которую она цѣною крови завоевала еще 125 лѣтъ тому назадъ. Свою свободу Франція легко не отдастъ. Прольетъ послѣднюю каплю крови. Принесетъ въ жертву своего послѣдняго сына. Она будетъ страдать, будетъ изнемогать, и всетаки будетъ продолжать мучительную войну. И мы дадимъ намъ миръ и войну всему міру. Намъ дорога товарищи своя кровь, намъ должна быть дорога кровь и всѣхъ другихъ народовъ. И не возможно, спасая сейчасъ, свою кровь, пролить чужую кровь. На это безчестное дѣло мы не можемъ пойти.

И еще товарищи. Мы хотимъ мира, но намъ нуженъ не только миръ, мы хотимъ, чтобы революція зажглась по всей Европѣ, чтобы тотъ пламень, который горитъ у насъ, перекинулся въ Европу, и знайте товарищи есть добрыя вѣсти, что откликъ на нашу революцію уже замѣчается въ другихъ странахъ, кромѣ демократіи Западной Европы радостно воспріяли вѣсти съ востока. Тамъ замѣчаются призраки грядущей соціальной революціи.

Товарищи, если намъ дѣйствительно дорога міровая революція, то мы должны понять, что сепаратный миръ недопустимъ, ибо сепаратный миръ убьетъ міровую рево-

люцію. Тогда всякій врагъ революціи скажетъ: «Такъ вотъ, что такое революція, вотъ что такое соціализмъ, мы видимъ это на примѣрѣ Россіи, это позоръ, это безчестіе, измѣна данному слову». И угнетенные классы, которые идутъ за революціей должны будутъ низко опустить головы. И, наконецъ, послѣдній аргументъ, самый страшный для насъ; думаете ли вы, что заключивъ сепаратный миръ и побѣдивъ союзниковъ нашихъ, Германія насъ пощадитъ? Думаете ли вы, что она будетъ благодарна намъ за этотъ миръ? Вы думаете, что она не набросится на насъ и не задушитъ насъ? Тогда, вѣдь, намъ никто не поможетъ. И не боитесь ли вы, товарищи, что не только Германія, но и другія страны, которыя будутъ ненавидѣть насъ за эту измѣну, что онѣ тоже не набросятся на насъ и не задушатъ и нашу свободу и нашу революцію? Вотъ, товарищи, къ чему можетъ привести насъ сепаратный миръ (апплодисменты). И мы должны сказать: никогда, ни при какихъ условіяхъ: безчестнаго и позорнаго мира мы непримемъ. Никогда! И я счастливъ, товарищи, что въ этомъ вопросѣ вся русская демократія едина, я счастливъ, что Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ вынесъ самую горячую резолюцію и воззваніе противъ сепаратнаго мира и, что министръ Церетелли, одинъ изъ вождей Сов. Раб. и Солд. Депутатовъ, вотъ что сказалъ на съѣздѣ по поводу сепаратнаго мира: «Позвольте прочесть (читаетъ:) Путь сепаратныхъ переговоровъ съ Германіей, минуя союзниковъ былъ бы гибеленъ для Революціонной Россіи, потому, что она была бы вынуждена заключить позорный миръ, потому что оставшись одна, лицомъ къ лицу съ воюющей коалиціей, она была бы раздавлена. Это было бы не въ интересахъ всего Интернаціонала, потому, что Интернаціоналъ заинтересованъ въ прекращеніи войны и могучимъ оружіемъ у Россійской демократіи является вступленіе въ переговоры съ союзниками, чтобы во всемъ мірѣ поставить на очередь этотъ вопросъ и среди союзныхъ народовъ и среди воюющихъ коалицій. Если мы вступимъ въ мирные переговоры съ Германіей, помимо союзниковъ, то этимъ мы добровольно отдадимъ наше могучее оружіе и приступимъ къ такимъ дѣйствіямъ, которыя ни революціонной Россіи, ни Интер-

національному ничего кромѣ позора не готовятъ. (Бурные аплодисменты).

Мы не заключимъ сепаратнаго мира. И снова я въ тупикѣ и снова я товарищи стою передъ страшнымъ вопросомъ. Если сепаратнаго мира заключить нельзя, то что же намъ дѣлать, какъ же намъ теперь быть? И опять я долженъ произнести страшное слово и опять краска стыда бросается мнѣ въ лицо, и опять я услышу отъ васъ крикъ негодованія. Но и объ этомъ я долженъ говорить. Если о сепаратномъ мирѣ немногіе говорятъ и многіе думаютъ, то о томъ, что я сейчасъ скажу многіе громко говорятъ и очень многіе про себя думаютъ. Вотъ что говорятъ. На сепаратный миръ мы не пойдемъ, онъ невозможенъ, но мы ведемъ только оборонительную войну, мы согласны только обороняться. Мы не перейдемъ нигдѣ въ наступленіе, ибо наступленіе значитъ завоевательная война. Мы будемъ защищать, если на насъ нападутъ, но никогда, ни при какихъ условіяхъ въ наступленіе не перейдемъ. Такъ говорятъ многіе. Я васъ спрошу: гдѣ же въ этомъ логика, гдѣ же въ этомъ смыслъ, гдѣ же разумъ? Мы ведемъ оборонительную войну, совершенно вѣрно, но мы же знаемъ, что 18 губ. русской территоріи заняты врагомъ и что же оборонять эти 18 губерній, заставить противника удалиться изъ этихъ губерній—это значитъ вести войну наступательную? Если, товарищи, стоять на этой точкѣ зрѣнія, если защищать это положеніе, то тогда нужно быть послѣдовательнымъ: завтра нѣмцы перейдутъ въ наступленіе, возьмутъ Москву и Петроградъ и остановятся; и намъ скажутъ: мы ведемъ защитную войну, мы только обороняемся, и будемъ защищать остальную часть въ Россіи, но не будемъ освобождать ни Петрограда, ни Москвы. Будетъ это правильно, разумно? Но самое страшное, товарищи, не въ этомъ, самое страшное въ другомъ, самое страшное въ томъ, что вся эта тактика, о которой мы говоримъ, эта такъ называемая оборонительная война, сидѣніе въ окопахъ и ожиданіе, когда противникъ на насъ нападаетъ, знаете какъ это называется? Это называется сепаратнымъ перемиріемъ. Это слово уже брошено и его всѣ знаютъ. Оно позорно для насъ, мы должны смѣло, мужественно сказать, что оно правильно. Товарищи, вы знаете, что по общему уго-

вору этою весною всѣ союзники должны были перейти въ наступленіе, вы знаете, что наши союзники перешли въ наступленіе, что благодаря ихъ наступленію была спасена русская революція, ибо, если бы они не наступали, нѣмцы воспользовавшись разрухой, послѣдовавшей за переворотомъ прорвали бы нашъ фронтъ и разгромили бы революціонную Россію. Они спасли русскую революцію (аплодис.). А что происходитъ, товарищи, теперь? А теперь происходитъ вотъ что. Вы всѣ хорошо знаете, что Германія свободно уводитъ свои войска съ нашего фронта и бросаетъ ихъ на западный. Германія не только отразила всѣ атаки французовъ и англичанъ, но уже переходитъ въ наступленіе, и изъ Франціи и Англіи несется къ намъ вопль отчаянія. Германцы не только увозятъ свои войска съ нашего фронта, но они приводятъ къ намъ на восточный фронтъ усталые войска, приводятъ ихъ на отдыхъ потому, что они Россіи не боятся, потому, что восточный фронтъ для нихъ не существуетъ и я глубоко убѣжденъ, что взвѣсивъ мои слова, вы согласитесь со мной, что сепаратное перемиріе, еще позорнѣе, чѣмъ сепаратный миръ. Ибо все, что дѣлаешь, надо дѣлать открыто. Когда ты дѣлаешь безчестный поступокъ, дѣлай его открыто, потому что иначе ты вводишь людей въ заблужденіе. И теперь мы вводимъ въ заблужденіе нашихъ союзниковъ. Они надѣялись на насъ. Если бы они знали, что у насъ будетъ перемиріе, они быть можетъ не потратили сотни тысячъ людей на наступленіе. Они расчитывали на насъ, а мы ихъ обманули. если бы мы честно сказали, что идемъ на сепаратное перемиріе, тогда они не давали бы намъ матеріаловъ, пушекъ, не тратили бы на насъ денегъ, но мы этого не говоримъ и вводимъ ихъ въ заблужденіе. Но самое страшное товарищи не то, что мы обманываемъ нашихъ союзниковъ, то что сепаратное перемиріе, позорнѣе, чѣмъ сепаратный миръ, самое страшное то, что сепаратное перемиріе хуже и разворительнѣе для Россіи, чѣмъ сепаратный миръ. Потому что, если бы сепаратный миръ былъ заключенъ, то было бы позорно для насъ, но мы могли бы хоть немного вздохнуть, хоть на нѣсколько лѣтъ перейти къ мирной жизни; а перемиріе не даетъ вздохнуть, оно разворяетъ Россію, многіе милліоны людей стоятъ на фронтѣ, въ окопахъ, гиб-

нутъ отъ болѣзней, отъ цинги, армія деморализуется, масса народа бѣжитъ. Въ странѣ начинается анархія, раздоръ, въ странѣ голодъ. Благодаря этому сепаратному перемирію все состояніе Россіи, все счастіе ея ставится на карту. И я васъ спрашиваю, для чего мы это дѣлаемъ, для чего намъ это нужно? Вѣдь мы хотимъ, чтобы скорѣе пришелъ миръ. А чего мы достигаемъ нашимъ сепаратнымъ перемиріемъ? Мы достигаемъ обратнаго, мы не приближаемъ, а отдаляемъ его. Ибо вы знаете, на чемъ покоится наша надежда на близкій миръ? вотъ на чемъ: Мы надѣемся что огонь русской революціи перебросится въ Западную Европу, мы надѣемся, что тамъ тоже вспыхнетъ революціонный пожаръ, мы надѣемся, что трудовые массы свергнутъ тамъ свои правительства или заставятъ ихъ принять миръ прочный и справедливый.

Что мы, товарищи, дѣлаемъ для этого? Мы тушимъ огонь мировой революціи. Товарищи, я только мѣсяцъ тому назадъ пріѣхала въ Россію. Въ первые дни революціи я жилъ во Франціи и разговаривалъ съ французскими рабочими и крестьянами, съ французскими революціонерами и соціалистами. И они говорили мнѣ, товарищъ, слушайте и передайте вашимъ товарищамъ въ Россіи, французскіе соціалисты и революціонеры счастливы, тѣмъ что свершилось въ Россіи, съ нихъ какъ бы тяжелый камень свалился, имъ было тяжело, когда они знали, что находятся въ союзѣ съ Россіей въ которой царствуетъ Николай, теперь они въ союзѣ и они гордятся этимъ свободнымъ русскимъ народомъ. Они просили передать, что подъ вліяніемъ русской революціи во Франціи и другихъ странахъ начинаютъ вспыхивать огни революціи, они говорятъ что дѣло соціализма растетъ и ширится. И вмѣстѣ съ тѣмъ они говорили мнѣ: слушайте, товарищъ и передайте товарищамъ вашимъ въ Россіи, если Россія намъ измѣнитъ, если Россія заключитъ сепаратный миръ, то она погубитъ насъ, погубитъ дѣло соціализма и дѣло революціи и во Франціи и въ другихъ странахъ Европы. И самое ужасное товарищи, что это пророчество начинаетъ уже осуществлятся. Только что пріѣхалъ ко мнѣ товарищъ изъ Швейцаріи, онъ ѣхалъ черезъ Францію, Англію и черезъ море. И когда онъ ѣхалъ по Франціи, онъ разговаривалъ въ вагонѣ трамвая съ про-

стыми французами, съ крестьянами и рабочими, и они спрашивали его: «Вы русскій» онъ отвѣчалъ, «да» и тогда они со слезами и гнѣвомъ говорили, что Россія имъ измѣнила, что Россія ихъ предала. И когда онъ проѣзжалъ черезъ Англію, и простые англичане его спрашивали: »Вы русскій? И когда онъ отвѣчалъ »да« съ гнѣвомъ и отчаяніемъ они говорили ему: «Революціонная Россія измѣнила намъ и предала насъ». И онъ опускалъ свою голову и ему, русскому соціалисту и революціонеру стыдно было, что онъ русскій.

Вотъ чего мы добились своимъ сепаратнымъ перемиріемъ. Мы гасимъ революцію въ Западной Европѣ, ту самую революцію, которая должна была принести намъ миръ и положить конецъ войны. И еще болѣе страшный аргументъ. Мы гасимъ революцію въ Западной Европѣ и мы поднимаемъ надежду и вѣру у имперіалистическихъ классовъ Германіи. Я жилъ въ Швейцаріи, которая находится рядомъ съ Германіей, я видѣлъ многихъ швейцарскихъ соціалистовъ, ѣздившихъ въ Германію, и они всѣ говорили, что Германія въ такомъ положеніи, что долго выдержать не сможетъ, что въ Германіи такой голодъ, о которомъ намъ и во снѣ не снилось, тамъ такой голодъ, что самые богатые люди изъ буржуазныхъ классовъ не ѣдятъ такъ, какъ ѣдимъ мы здѣсь на Крестьянскомъ Съѣздѣ. И если Германія еще держится, то только потому, что она думаетъ, что ей надо потерпѣть еще немножко — еще нѣсколько мѣсяцевъ, и она добьется побѣдоноснаго мира. Почему она такъ думаетъ? Потому что она **спекулируетъ** на русской революціи, потому что, какъ германскій канцлеръ Бетманъ Гольвегъ заявилъ въ рейхстагѣ, никогда, ни въ одинъ періодъ всемірной войны пораженія Германіи на фронтѣ не существуетъ. И это производитъ сильное впечатлѣніе на народныя массы. Имъ говорятъ, потерпите нѣсколько мѣсяцевъ, и мы заключимъ побѣдоносный миръ. Россія вести войну не въ состояніи. Вотъ, что они говорятъ. И благодаря этому война затягивается. Въ Германіи поднимаютъ головы правящіе классы, и реакція растетъ. Я прихожу къ концу моего доклада, я утомилъ васъ и надо кончать. Я, товарищи, думаю, что не только сепаратный миръ, но и сепаратное перемиріе для Россіи недопустимо.; недопустимо, потому что оно удлиняетъ войну, потому что оно гаситъ революцію во

всемъ мірѣ, недопустимо потому, что оно грозитъ гибелью и пораженіемъ Россіи. Сейчасъ, товарищи, мы у вратъ демократической республики, у вратъ свободной земли, свобода—вотъ она, въ нашихъ рукахъ и земля близка; и я кричу вамъ, будьте осторожны, тов. не упустите всего этого. Ибо если Германія справится съ нашими союзниками или, если даже не справится, а просто тамъ прекратится наступленіе, она быстро переброситъ войска на нашъ фронтъ и разобьетъ насъ и, разбивъ насъ, она захватитъ еще много губерній и заставитъ насъ заключить позорный миръ и уплатить контрибуцію, и тогда одна часть Россіи, освободившись отъ Николая, будетъ подъ пятою Вильгельма; но и въ другой части Россіи, товарищи, тоже счастья не будетъ, ибо въ другой части Россіи не простятъ намъ этого позора и тамъ начнется раздоръ, вражда, и все кончится гражданской войной и, страшно подумать, полнымъ крушеніемъ всей русской революціи. И я говорю: мы должны, мы обязаны защищать то драгоцѣнное завоеваніе, котораго мы добились цѣной крови. И не забудьте, товарищи, мы добились многаго, мы добились демократической республики, но вѣдь, это не все, не самое драгоцѣнное. И въ Западной Европѣ еще много лѣтъ тому назадъ нѣкоторыя государства добились свободы, и въ Зап. Европѣ свободныя республики провогласили права вольности человѣка и гражданина, и тамъ каждый человѣкъ можетъ свободно исповѣдывать свою вѣру. Я долго жилъ въ этихъ республикахъ и знаю, что настоящей свободы тамъ нѣтъ, потому что какая свобода, товарищи, для трудового народа, если ему нечѣмъ существовать; можно продать свою свободу, можно отдать ее, когда человѣкъ голоденъ, когда ему нечѣмъ жить. И мы хотимъ у насъ въ Россіи создать новое право, невѣдомое всему міру, новое право человѣка и гражданина, право самое дорогое для трудового народа, право, при которомъ создастся прочный фундаментъ для всѣхъ свободъ. Это право называется, товарищи, правомъ каждаго гражданина на землю. Мы провозгласили много свободъ, а теперь хотимъ провозгласить свободу земли, товарищи, самую дорогую свободу для трудового народа, чтобы на свободной землѣ свободный русскій гражданинъ жилъ свободно и осуществлялъ свои права на существованіе и на

трудъ. Вотъ какой свѣтлый храмъ земли мы строимъ. Намъ есть что защищать въ революціонной Россіи, товарищи. И мнѣ хочется закончить свой докладъ страстнымъ призывомъ, горячимъ воззваніемъ къ Вамъ, мнѣ хочется, чтобы здѣсь у насъ, въ этомъ собраніи, гдѣ собрались всѣ народы Россіи, гдѣ собрались крестьяне со всей Россіи Европейской и Азіатской, здѣсь, гдѣ есть делегаты изъ Туркестана, изъ Сибири, съ сѣвера и съ юга и съ запада, гдѣ собрались всѣ на единый совѣтъ, чтобы здѣсь у насъ во всемъ величіи своемъ былъ поставленъ страшный вопросъ: въ какомъ положеніи Россія. И чтобы мы ясно отвѣтили: Россія въ положеніи страшной опасности, страна на краю гибели. Россію надо спасать. И я спрашиваю Васъ, если не мы, кто же можетъ спасти Россію, и если не теперь, то когда же? И я хочу, чтобы здѣсь въ нашемъ собраніи, въ нашихъ сердцахъ зажегся революціонный энтузіазмъ, зажглась революціонная энергія, чтобы отсюда изъ этого собранія этотъ энтузіазмъ разлился по всей странѣ и влился въ арміи, чтобы всѣ сѣмена раздора и вражды, чтобы уничтожилъ въ сердцахъ русскихъ гражданъ всю усталость, все уныніе, чтобы поднялъ настроеніе въ странѣ и арміи. Чтобы мы отсюда обратились къ арміи съ горячимъ воззваніемъ и сказали, что мы стоимъ на стражѣ русской свободы здѣсь, чтобы они стояли на стражѣ тамъ, чтобы мы сказали, что мы завоюемъ землю. Во главѣ министерства земледѣлія стоитъ нашъ человѣкъ—Черновъ, что покамѣстъ въ рукахъ такого человѣка земельное дѣло—солдаты не должны бояться, что кто то неправильно раздѣлитъ землю, мы должны сказать, что во главѣ арміи стоитъ нашъ дорогой товарищъ Керенскій, что пока Керенскій стоитъ во главѣ русской арміи, ни одна лишняя капля крови арміи не прольется, ни одинъ лишній часъ русская армія не будетъ сражаться и что, когда наступитъ грозный часъ и гражданинъ Керенскій отдастъ приказъ о наступленіи, тогда всѣ должны стать на защиту свободы. Я хочу, товарищи, чтобы мы отправились отсюда, изъ нашего собранія въ армію, чтобы делегаты пришли и отдали нашъ привѣтъ и благословили нашу армію на бранный подвигъ. Пускай каждая армія идетъ подъ краснымъ знаменемъ всероссійскаго совѣта крестьянскихъ депутатовъ и пусть ей будетъ

легче умереть съ нашимъ благословѣніемъ. И когда русская революція будетъ спасена и свобода защищена, когда кончится война миромъ справедливымъ и почетнымъ, всѣ мы съ непокрытыми головами съ благоговѣніемъ въ душѣ и радостной улыбкой войдемъ въ свѣтлый храмъ свободы, храмъ матери земли.

Заключительная рѣчь.

Товарищи, я постараюсь быть по возможности краткимъ; по возможности, говорить только съ дѣловой точки зрѣнія; по возможности, говорю, потому, что ораторы, говорившіе здѣсь, такъ отклонились отъ дѣловой точки зрѣнія, что, отвѣчая на ихъ слова, на ихъ положенія, я по неволѣ долженъ буду тоже нѣсколько отклоняться въ сторону. Много разъ здѣсь, товарищи, говорили, что мы не митингъ, не народный университетъ, мы — Всероссійское Собраніе, голосъ котораго будетъ услышанъ всей Россіей. И наше рѣшеніе потому должно быть отвѣтственнымъ. Намъ дорога каждая минута, дорогъ каждый часъ, поэтому въ своемъ докладѣ я старался избѣгнуть всѣхъ спорныхъ вопросовъ, я старался не вдаваться въ область теоріи, ибо въ этой области мы могли бы разойтись, а намъ надо вынести опредѣленное рѣшеніе, возможно единодушное и полновѣсное. Я нарочно обошелъ всѣ спорные вопросы и бралъ положенія для громаднаго большинства совершенно безспорныя. Я перечислилъ условія мира, которыя всѣ принимаютъ. Миръ безъ аннексій, миръ безъ контрибуцій, съ правомъ самоопредѣленія народностей. Миръ съ разоруженіемъ и обязательнымъ международнымъ судомъ. Затѣмъ я рисовалъ пути демократіи къ миру. И здѣсь, между нами не возникало разногласій. Пути, по которымъ шла русская демократія, начиная съ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, къ которому присоединились всѣ демократическія силы Рос-

сіи. Эти пути я вамъ старался подробно и обстоятельно нарисовать. И новые пути, новыя рѣшенія, которыя я предложилъ присоединить къ тѣмъ рѣшеніямъ, которыя сдѣланы трудовымъ народомъ всего міра. Я предложилъ, чтобы мы обратились къ народамъ всего міра съ воззваніемъ, и я предложилъ послать нашихъ представителей на интернаціоналистическую конференцію. Затѣмъ, когда мы выяснили, что мы этого мира жаждемъ, но что добиться этого мира въ очень короткій срокъ мы не можемъ,—я спросилъ, что же намъ дѣлать сейчасъ, сію же минуту. Я выяснилъ, что добиться сейчасъ мира можно только путемъ сепаратнаго мира, и я васъ спросилъ—допустимъ ли сепаратный миръ. Вы отвѣтили — нѣтъ, онъ недопустимъ. Сепаратный миръ, можетъ быть, сохранитъ на нѣсколько мѣсяцевъ нашу революцію, но затушитъ революцію всего міра. Сепаратный миръ не допустимъ. Что же тогда? Гдѣ выходъ? Что дѣлать сейчасъ? И я спорилъ съ тѣми товарищами, которые говоря о томъ, что сейчасъ сепаратный миръ невозможенъ, не говоря этого слова, фактически утверждаютъ то сепаратное перемиріе, которое установилось на фронтѣ; которые говорятъ, что мы будемъ защищаться только въ томъ случаѣ, если на насъ нѣмцы нападутъ. Это и есть сепаратное перемиріе. Мы обороняемся, мы не хотимъ никакихъ аннексій, мы защищаемъ только свою страну, но для этого приходится, защищаясь на фронтѣ, въ однѣхъ мѣстахъ наступать, въ другихъ—отступать, въ третьихъ—стоять на мѣстѣ. И только начальники могутъ рѣшить, что въ данный моментъ надо дѣлать. Я утверждаю, что если мы будемъ продолжать сепаратное перемиріе, это кончится позоромъ для насъ. Сепаратное перемиріе ведетъ не къ прекращенію войны, а къ ея удлиненію, ибо оно губитъ нашихъ союзниковъ, губитъ революцію въ Западной Европѣ и грозитъ намъ очень скорымъ разгромомъ. Какой же тогда выходъ? Сепаратный миръ недопустимъ, сепаратное перемиріе — тоже недопустимо. Мы подходимъ къ единственному выходу, другого нѣтъ. Въ событіяхъ есть своя логика, и единственнымъ путемъ я считалъ подъемъ настроенія, подъемъ вѣры, подъемъ энтузіазма во всемъ русскомъ народѣ, во всей арміи, чтобы она была готова въ любой моментъ пойти въ наступленіе и была на высотѣ

своей задачи. Здѣсь, одинъ товарищъ указывалъ на то, что я призываю къ наступленію это не такъ. Я не военный, я не знаю, когда надо начинать наступленіе, когда надо сидѣть на мѣстѣ. Я говорилъ только одно: нельзя говорить, что, если мы хотимъ обороняться—это значитъ, мы будемъ сидѣть на мѣстѣ. Эти понятія несовмѣстимы. Мы, страну оборонящіе, должны для обороны часто переходить въ наступленіе. На такой позиціи, на которой стоятъ нѣкоторые товарищи—стоять невозможно.

Я не предлагалъ сейчасъ перейти въ наступленіе, не мнѣ рѣшать этотъ вопросъ. Я хочу только, чтобы наши сердца были готовы, чтобы нашъ духъ былъ высокъ, чтобы, когда нужно, мы бы могли перейти въ наступленіе. Для этого должно быть полное довѣріе къ вождямъ. Мы не довѣряли Гучкову, но теперь, военный министръ Керенскій, которому мы довѣряемъ (аплодисменты). Если, товарищи, генеральный штабъ, если наши генералы не вполнѣ отвѣчаютъ нашимъ требованіямъ, будемъ требовать, чтобы ихъ смѣстили, чтобы мы могли имъ довѣрять, чтобы, если они скажутъ, что надо наступать,—мы могли бы съ довѣріемъ отнестись къ ихъ приказу. Но, если мы имъ довѣряемъ, то въ тотъ моментъ, когда придетъ приказъ о наступленіи, когда онъ будетъ отданъ, русская армія должна будетъ перейти въ наступленіе. И къ счастью громадное большинство ораторовъ, говорившихъ здѣсь, почти цѣликомъ сходилось съ моимъ докладомъ. Я могу сказать такъ: что приблизительно 90% ораторовъ почти совершенно сходились съ тѣмъ положеніемъ, которое я выставлялъ. Есть нѣкоторые оттѣнки, нѣкоторыя сомнѣнія—вопросъ о тайныхъ договорахъ, вопросъ о томъ, что до сихъ поръ Франція и Англія не присоединились къ нашимъ требованіямъ. Но въ общемъ всѣ товарищи сходились съ моимъ докладомъ. Очень незначительное число ораторовъ уклонилось нѣсколько въ сторону. Я скажу нѣсколько словъ о товарищахъ, которые уклонились вправо, которые поднимали снова вопросъ о томъ, кто виноватъ, и нападалъ на Германію. Я не буду спорить съ этими товарищами. Быть можетъ многое, что они говорили, правильно. Я только спрошу — разумно-ли, политично ли говорить эти вещи теперь, въ этомъ собраніи. Теперь, когда мы всѣ, трудовыя классы

всего міра хотимъ объединиться, теперь, когда послано наше воззваніе трудящимся всего міра, когда посланы делегаты на конференцію, зачѣмъ намъ снова поднимать эти вопросы, зачѣмъ снова вызывать эти страсти, зачѣмъ бросать обвиненіе нѣмецкой соціалъ-демократіи, которую мы хотимъ привлечь на свою сторону. Это только задушитъ тѣ революціонныя настроенія, которыя тамъ поднимаются. Это—неправильно, неразумно и неполитично. Я перехожу, товарищи, къ тѣмъ, которые несогласны были со мною слѣва къ товарищамъ большевикамъ. Я съ большимъ вниманіемъ и напряженіемъ слушалъ ихъ рѣчи, а такъ какъ я видѣлъ, что они не согласны со мною, я все ждалъ, что они выдвинутъ какіе нибудь аргументы, которые заставятъ насъ призадуматься. Я все ждалъ, что въ этомъ собраніи они укажутъ новые пути, которыхъ мы не знаемъ, покажутъ новый выходъ, который не пришелъ намъ въ голову. Вѣдь разъ они несогласны съ нами они обязаны это сдѣлать. И къ величайшему сожалѣнію никакихъ аргументовъ я не слышалъ, никакихъ новыхъ путей не указывалось, все старые шаблоны, старыя слова и фразы, все одно и тоже. Точно мелкая барабанная дробь, точно капли падающаго дождя: капъ, капъ, капъ—милитаризмъ, имперіализмъ, капитализмъ, милитаристы, имперіалисты, капиталсты, капиталъ и буржуазія, буржуазія и капиталъ.—капъ, капъ (аплодисменты). И отъ этой шумихи словъ, отъ этого капанія дождя въ головѣ мутится и на сердцѣ становится страшно тоскливо. И мнѣ жалко, что они не нашли другихъ словъ, другихъ аргументовъ. Я бы съ ними не спорилъ, потому что въ нашемъ собраніи они успѣха не имѣютъ. Здѣсь большевики очень часто высказывались, и что же въ концѣ концовъ. Когда доходитъ до голосованія, тысяча—противъ нихъ, двадцать—за нихъ, двадцать человѣкъ, это—очевидно совершенно убѣжденные люди, мы ихъ не переубѣдимъ. Тоже самое въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ, гдѣ собираются организованные рабочіе и солдаты. Тамъ происходитъ почти что тоже самое. Рѣчи говорятъ большевики, но когда бываетъ голосованіе, то голосуютъ только 5% за большевиковъ. Картина все та же. И я бы не спорилъ съ ними, не говорилъ о нихъ, если бы дѣло шло о настоящемъ собраніи. Я знаю, что здѣсь успѣха

они имѣть не могутъ. Но, къ несчастью или къ счастью, для нашего собранія все, что здѣсь говорится, разносится по всей Россіи и доносится до темныхъ угловъ. А товарищи-большевики, не очень любятъ говорить въ организованныхъ сознательныхъ собраніяхъ. Они любятъ говорить на базарахъ и площадяхъ передъ темными людьми и тамъ они могутъ имѣть успѣхъ. И больше всего, я боюсь ихъ потому, что о чемъ бы они не говорили, по какому вопросу они бы не говорили, къ каждому вопросу они приплетаютъ вопросъ о землѣ, и въ такой формѣ, которая можетъ вызвать смуту— всегда и всюду они призываютъ къ немедленному захвату земель. И тоже повторяется въ тѣхъ письмахъ и резолюціяхъ, которые они намъ присылаютъ. И этотъ призывъ къ захвату земель въ темной массѣ, которая жаждетъ земли и не знаетъ, почему надо ждать, вызываетъ смущеніе, вызываетъ къ себѣ симпатію, и подъ флагомъ этого захвата земель проходятъ и другія вещи, еще болѣе опасныя, еще болѣе вредныя. Вотъ почему, товарищи, я прошу у васъ извиненія, прошу простить, если я нѣсколько минутъ посвящу вопросу, касающемуся не непосредственно войны. Почему товарищи-крестьяне, мы — соціалисты-революціонеры, мы, которые десятки лѣтъ проповѣдуемъ, а наши предшественники декабристы уже 100 лѣтъ тому назадъ проповѣдывали передачу всей земли всему народу, такъ называемую соціализацію земли, почему мы, почему все сознательное крестьянство, почему крестьянскіе депутаты, почему совѣтъ рабочихъ депутатовъ, почему все, что есть сознательно организованнаго, высказывается противъ немедленнаго захвата земли. Развѣ намъ не дорога земля или не дороги интересы крестьянства? Почему? Потому, что мы говоримъ: если революція будетъ продолжаться, если страна сорганизуется, если свобода не будетъ потеряна, если Учредительное Собраніе соберется—вся земля перейдетъ въ руки всего народа (аплодисменты). Мы въ этомъ не сомнѣваемся. Ибо въ Учредительномъ Собраніи будетъ выражена воля народа и ему будетъ передана вся власть русскаго народа, который на 0,90 состоитъ изъ трудового народа—рабочихъ, солдатъ и крестьянъ. Слѣдовательно, если революція не будетъ погублена, тогда земля будетъ передана народу, но

если она будетъ погублена, если страна не дойдетъ до Учредительнаго Собранія, если начнется анархія и гражданская война, тогда земли крестьяне не увидятъ. Ибо мало взять землю, нужно ее удержать. Мы знаемъ въ 1906 году крестьянство захватило во многихъ мѣстахъ землю, и чѣмъ это кончилось. Кончилось тѣмъ, что, когда революція была побѣждена, старая власть отобрала у крестьянъ землю и жестоко при этомъ наказала ихъ за эту землю. И мы говоримъ и повторяемъ все, что помогаетъ революціи и организаціи страны, все, что уничтожаетъ анархію. Это—благо, это приведетъ къ тому, что земля будетъ у народа. Все, что возбуждаетъ анархію, гражданскую войну, все это — зло, потому что отниметъ совсѣмъ и навсегда землю у народа. Вотъ что мы говоримъ, вотъ почему мы боимся этого призыва къ захвату земли. Во многихъ мѣстахъ, вы знаете, крестьянство уже организовано, есть совѣты крестьянскихъ депутатовъ; но вѣдь есть мѣста, гдѣ еще нѣтъ сознательности, гдѣ полная темнота. Такіе уѣзды еще есть, вы это знаете, то и дѣло приходятъ товарищи и просятъ послать туда сознательныхъ людей. Что будетъ, если мы бросимъ на всю Россію лозунгъ: захватывайте землю. Въ темныхъ мѣстахъ родится вражда, раздоръ. Тамъ пойдетъ деревня на деревню, село на село. Вы знаете, что не вездѣ крестьяне согласны между собой, какъ дѣлить землю. Потому, что деревня Петровка думаетъ, что земля сосѣдняго помѣщика принадлежитъ ей, а деревня Ивановка, что ей. Если въ эту массу бросить лозунгъ захвата деревни пойдутъ другъ на друга. Мы знаемъ тому примѣры. И еще болѣе страшныя послѣдствія. Вѣдь теперь же почти все крестьянство на фронтѣ, вѣдь 20 милліоновъ самаго сознательнаго крестьянства тамъ. Что будетъ, если мы бросимъ этотъ лозунгъ? Дезертирство усилится и въ арміи поднимется вражда и раздоръ. Вотъ къ чему это поведетъ. И мы, товарищи, самымъ энергичнымъ образомъ протестуемъ противъ этого. Это внесетъ анархію, раздоръ, и погубитъ русскую революцію. (Аплодисменты). Товарищи, я бы понялъ товарищей-большевиковъ, если бы они были большими крестьяно-любами, такъ бы любили крестьянство, что не могли бы сдержать своего нетерпѣнія, понимали бы, что захватъ неразуменъ, но не находили бы того выхода

для удовлетворенія нужды въ землѣ. Но вѣдь, товарищи, вы знаете, что товарищи большевики совсѣмъ этого не думаютъ, совсѣмъ они не крестьяно-любы. (Голоса: знаемъ, знаемъ). Совсѣмъ они не думаютъ, что земля нужна крестьянамъ, они думаютъ какъ разъ обратное: что земля крестьянамъ не нужна, что мелкій крестьянинъ не можетъ вести хорошо хозяйство, что только капиталистъ его можетъ вести хорошо, что крупное хозяйство все равно смететъ крестьянство. Они говорили намъ, соціалистамъ-революціонерамъ, которые требовали земли — крестьянамъ: вы хотите повернуть колесо исторіи въ обратную сторону,— вы хотите задержать прогрессъ исторіи, вы хотите насадить мелкое хозяйство, которое все равно должно исчезнуть. Вотъ что говорили товарищи большевики и долгое время, когда мы выставляли лозунгъ—земля народу,—они называли насъ утопистами. Я говорилъ вамъ о книгѣ исторіи—въ этой книгѣ исторіи все записано, и если вы ее перелистаете, то вы найдете въ ней все, что я собщаю о т. большевикахъ. Почему товарищи-большевики вдругъ предлагаютъ землю? А вотъ почему: въ 1902 году начались аграрные безпорядки. Большевики увидѣли, что нельзя сдѣлать революцію одними силами городскихъ рабочихъ, что необходимо привлечь къ революціонному движенію и крестьянъ. И чтобы привлечь ихъ они посадили на голый крючокъ политическихъ лозунговъ маленькаго червячка, въ видѣ земельныхъ стрѣзковъ и закинули его въ крестьянское море, но закинули неудачно. На этого маленькаго земельнаго червячка крестьянство не клюнуло. Почуявъ, что крестьянство не клюнуло, они рѣшили, что надо посадить иного живца покрупнѣе. Они заявили, что присоединяются къ крестьянскимъ требованіямъ — отобрать всю помѣщичью землю. Но они забыли только сказать, что сдѣлать съ этой помѣщичьей землей; а въ толстыхъ своихъ книгахъ они писали что бояться отбирать нечего: что теперешніе помѣщики — не настоящіе капиталисты, что они ведутъ крупное хозяйство, а что настоящіе капиталисты—будутъ изъ богатыхъ мужиковъ. Такъ вотъ, отобрать у помѣщиковъ землю и раздать ее крестьянамъ, они не сумѣютъ съ ней справиться и земля все равно попадетъ въ руки настоящихъ хозяевъ—капиталистовъ изъ крестьянъ. И на этотъ

живецъ крестьянство не пошло, оно оказалось достаточно сознательнымъ, чтобы не пойти за большевиками. Оно пошло за народнической партіей, и, главнымъ образомъ, за нашей партіей — партіей соціалистовъ-революціонеровъ. И теперь, видя, что крестьянство совсѣмъ уходитъ отъ нихъ, что крестьянство нельзя поймать на всѣ приманки, они выбрасываютъ тотъ лозунгъ, который кажется на первый взглядъ, лѣвѣе, чѣмъ лозунгъ соціалистовъ-революціонеровъ. С.-Р. говорятъ, что вся земля будетъ отдана на Учредительномъ Собраніи, а они говорятъ — нѣтъ, сейчасъ. И вотъ, товарищи, я васъ предупреждаю, что товарищи большевики, въ отношеніи къ крестьянству по земельному вопросу неискренни, что въ этомъ вопросѣ они ведутъ себя, какъ демагоги. Они хотятъ увлечь народъ, и сознательное крестьянство должно самымъ рѣшительнымъ образомъ бороться съ ними и протестовать противъ ихъ демагогическихъ пріемовъ. Еще одно слово. Они приходятъ сюда и говорятъ: «Товарищи, крестьянскіе делегаты, бѣднѣйшіе товарищи-крестьяне». Они приглашаютъ не вообще крестьянъ а только «бѣднѣйшихъ». Они говорятъ о томъ, что въ крестьянствѣ есть разные классы, такъ вотъ они только къ бѣднымъ крестьянамъ обращаются. Богатые крестьяне — тоже капиталисты. Посмотрите въ книгу исторіи — кто эти бѣдные крестьяне. Это—трудовые крестьяне, которые имѣютъ 5—10 десятинъ на дворъ. И вы знаете, какъ эти бѣдные крестьяне въ тѣхъ ихъ книгахъ, которыя не обращены прямо къ народу? Онѣ называютъ ихъ «буржуйчиками». Есть крупные «буржуи», а вы— «мелкіе». Тамъ есть—хозяева, а вы — мелкіе хозяйчики. А когда приходятъ сюда, они объ этомъ молчатъ, и говорятъ — братья крестьяне, братья товарищи. Это — демагогическій пріемъ. Товарищи, я васъ прошу не понимать меня такъ, что я здѣсь свожу счеты съ другой политической партіей. Увѣряю васъ,—это не такъ. Теперь въ этотъ страшный моментъ, который переживаетъ Россія, не должно быть рѣзкаго дѣленія среди соціалистическихъ партій. Среди насъ въ этомъ собраніи есть разныя партіи, соціалисты, трудовики и соціалъ-демократы, —и мы всѣ вмѣстѣ идемъ и всѣ вмѣстѣ боремся за спасеніе Россіи. И идемъ такъ дружно, такъ объединенно всюду и вездѣ по всей странѣ, потому что мы знаемъ, что только объединен-

ными силами можно спасти Россію. И вмѣстѣ съ тѣмъ, мы знаемъ, что это можно сдѣлать только уничтоженіемъ анархіи. И если я здѣсь борюсь съ товарищами большевиками, то только потому, что они выступаютъ не какъ партія соціалистическая, а какъ партія анархическая, демагогическая. Теперь, товарищи, намъ легко подойти къ тѣмъ вопросамъ, которые насъ непосредственно занимаютъ. Къ вопросамъ о войнѣ. И вы увидите, какъ если сбросить это опасное въ большевистской программѣ, какъ все остальное окажется жалкимъ и безопаснымъ. Я очень настойчиво искалъ въ рѣчахъ товарища Зиновьева и въ его резолюціи указаній, какими путями добиться мира. И вотъ все, что мнѣ удалось найти въ его резолюціи; я вамъ прочту (читаетъ; голоса: не надо, не надо, довольно). Допустимъ, мы взяли въ свои руки всѣ министерства, но и тогда, какъ прекратить войну? Сепаратный миръ они отвергаютъ, сепаратное перемиріе — не годится. Какой выходъ? Выхода нѣтъ. Опять выхода нѣтъ. Опять тотъ же тупикъ, о которомъ мы говорили. Товарищи большевики, настаиваютъ на переходѣ власти къ Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Они говорятъ (читаетъ). Вѣдь вопросъ заключается въ слѣдующемъ: этому правительству не вѣрятъ, а если передать власть въ руки Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, тогда весь міръ повѣритъ, т. е. главнымъ образомъ нѣмецкій трудовой народъ, который устроитъ революціи и у себя. И тогда мы заключимъ миръ. Я на это отвѣчу. Товарищи большевики, это съ вашей стороны неискренно, вы сами не вѣрите своимъ словамъ. Это — неправда. Потому что теперешнему коалиціонному Правительству, гдѣ находится Керенскій и Скобелевъ, Черновъ, Церетелли и Пошехоновъ, этому правительству вѣритъ вся Россія (бурныя аплодисменты). И вся Россія отвѣтитъ передъ всѣмъ міромъ, что «пока наши представители, наши посланцы находятся въ этомъ правительствѣ, пока они не уйдутъ оттуда, этому правительству и весь міръ долженъ вѣрить. Ибо наши представители будутъ приходить къ намъ каждую недѣлю и будутъ отдавать отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Каждое постановленіе и каждая важная нота, которая посылается министромъ иностранныхъ дѣлъ, нашимъ союзникамъ, проходятъ черезъ весь Совѣтъ министровъ; обо всемъ, что дѣ-

лается въ министерствѣ иностр. дѣлъ знаютъ всѣ министры; и если будутъ приходить къ намъ и говорить о томъ, что правительство ведетъ правильную политику, то мы будемъ имъ вѣрить. И если товарищи — соціалъ-демократы нѣмецкіе или правящіе классы нѣмецкіе, будутъ говорить, что это буржуазное правительство, тамъ 10 буржуа и только шесть соціалъ-демократовъ,—это будетъ неискренно. И мы имъ не повѣримъ, ибо знаемъ, что оно ни къ чему не приведетъ. И я, упорно изучая революцію, нахожу еще только одинъ пунктъ, который является указаніемъ на выходъ изъ того положенія, въ которомъ мы находимся. Это вотъ слѣдующее (читаетъ). Вотъ нашли выходъ — братаніе. Уважаемые товарищи. Повѣрьте, что братаніе съ нашей стороны, это— крикъ не просто возмущеннаго духа, это крикъ души любвеобильной, которая стремится брататься буквально со всѣмъ міромъ. Рабочіе, крестьяне и солдаты побратались у насъ въ Россіи. У насъ побратались всѣ народности. Мы не только выпустили политическихъ изъ тюремъ, мы выпустили и уголовныхъ. Мы братаемся даже съ нѣмецкими, австрійскими военнопленными. И мнѣ только вчера разсказывали, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть батрацкіе совѣты депутатовъ, которые исключительно составлены изъ австрійцевъ. Если у насъ будетъ такъ много любви, то чувство братства не можетъ остановиться на границѣ. Мы братаемся со всѣмъ міромъ. Обращаемся ко всѣмъ трудящимся всего міра и зовемъ ихъ на братаніе. И я вѣрю, что и окопы насъ не останавливаютъ. И черезъ окопы рвется наше горячее чувство любви. Но чтобы я повѣрилъ, что и со стороны германцевъ —это крикъ души, никогда, товарищи. Я не столько наивенъ. Если бы это было чувство любви, то они начали бы продолжать его и въ другомъ мѣстѣ. Они братались бы тогда и у себя, внутри страны. Но ничего подобнаго мы не знаемъ. Мы знаемъ, что вся Германія находится въ желѣзныхъ рукахъ, вся она находится подъ желѣзнымъ кулакомъ. Что тамъ все живое находится подъ замкомъ, всѣ эти Либкнехты, всѣ товарищи—соціалисты, которые желали бы съ нами брататься. Мы знаемъ, что Фридрихъ Адлеръ на дняхъ будетъ казненъ. Вотъ теперь пріѣхалъ въ Россію Масаракъ... Вы его спросите что нѣмцы сдѣлали съ чехами. И мы знаемъ, какъ они братаются съ нашими плѣнными. И вотъ

оказывается тамъ, внутри страны, тамъ накакого братанія. И братаніе только въ одномъ мѣстѣ — на линіи окопъ на фронтѣ. И я вамъ говорю — нѣмецкій генеральный штабъ изобрѣлъ много смертоносныхъ орудій, онъ выдумалъ 42-сантиметровыя пушки, выдумалъ цеппелины, удушливые газы, но такого страшнаго, такого дьявольскаго орудія, какъ братаніе, нѣмецкій генеральный штабъ еще не изобрѣталъ. Это самое страшное орудіе (аплодисменты). Всѣ эти орудія и самовоспламеняющаяся жидкость — онѣ служатъ тому, чтобы замѣнить живую силу. Гдѣ нужны бы были тысячи нѣмецкихъ солдатъ, тамъ нужно только одно такое орудіе. Но такъ какъ замѣняетъ — братаніе, нѣмецкую живую силу, такъ ни одно орудіе еще не замѣняло. И когда нѣмецкій генеральный штабъ распредѣляетъ свои силы на фронтахъ, онъ посылаетъ на западный фронтъ тяжелыя орудія, газы, самовоспламеняющуюся жидкость и все прочее, а на восточный фронтъ — братаніе (аплодисменты). И это братаніе оказывается, можетъ, замѣнить живую силу такъ, какъ ни одно орудіе этого сдѣлать не можетъ. Мы прекрасно знаемъ, что на нашемъ фронтѣ осталась «паутина» подкрѣплено братаніемъ. И когда я слышу здѣсь слова о братаніи, мнѣ чудится нѣмецкій генеральный штабъ и Гинденбургъ съ насмѣшливой улыбкой и словами: — какъ наши орудія далеко бьютъ. Волъ единственное средство, которое предложили товарищи-большевики. Сколько я не искалъ, другихъ средствъ я не нашелъ; остальныя средства— это все тотъ же мелкій барабанный бой, все то же капанье дождя. И я съ радостью прощаюсь съ товарищами большевиками, и желаю себѣ и вамъ долго съ ними не встрѣчаться.

Покончивъ съ противниками, я перейду къ сторонникамъ. Къ счастью громадное большинство собранія оказалось единымъ, объединеннымъ во всѣхъ путяхъ къ миру, которые мы предлагаемъ. Есть только небольшія детали, которыя насъ раздѣляютъ. Въ сердцѣ этого собранія, какъ и въ сердцѣ арміи, и всего русскаго народа, есть только двѣ занозы, которыя мѣшаютъ намъ радостно и увѣренно бороться за спасеніе революціонной Россіи. Товарищи изъ арміи и народа думаютъ, что эти занозы настоящія. Я же думаю, что эти занозы вымышленныя. Это наши большевики привили въ сердцѣ ядъ, это они влили отраву въ организмъ

русскаго народа. Если мы раскроемъ пинцетомъ рану, то увидимъ, что тамъ никакой занозы нѣтъ. Если мнѣ удастся доказать вамъ это, я буду безконечно счастливъ. Первая «заноза» заключается въ слѣдующемъ. Первая заноза заключается въ безконечныхъ разговорахъ о тайныхъ переговорахъ, о томъ, что мы должны ихъ опубликовать; пока они не опубликованы — мы не можемъ воевать. Какъ же ихъ опубликовать? Допустимъ, что ихъ надо опубликовать, что это было бы хорошо. Но вѣдь русское правительство, царское, заключило договоръ не съ самимъ собой. Вѣдь если бы оно въ видѣ тайнаго документа, въ видѣ завѣщанія оставило этотъ договоръ, то мы могли бы опубликовать этотъ документъ царистскаго правительства. Мы — народъ откровенный. Мы, русскіе слывемъ такими. Намъ всегда хочется, чтобы всѣ наши язвы были вскрыты. Но вѣдь эти договоры были заключены съ свободной демократіей Франціи, Англіи, Бельгіи. Не надо забывать, что Франція —страна демократическая. Тамъ свободная демократія выбираетъ свободный парламентъ и выбирается онъ всѣмъ народомъ. Тамъ правительство ни одной минуты не продержится, если его не одобритъ весь народъ. И вотъ съ этимъ свободнымъ народомъ былъ заключенъ договоръ и какъ же мы можемъ опубликовать его безъ согласія другой стороны...

Здѣсь товарищи говорили объ этомъ и боялись назвать слово, которымъ называется такой поступокъ, а я скажу его; предательство,—ибо правдивое слово всегда найдетъ откликъ. И на такое предательство свободная Россія никогда не пойдетъ. И я утверждаю, что этого и не надо дѣлать. Если бы даже наши союзники согласились бы опубликовать эти тайные договоры, то если у насъ есть хоть капля политическаго смысла и разума, то мы сами этого дѣлать не должны. Ибо для чего намъ нужно опубликовывать договоры? Для того, чтобы кончить скорѣй войну, чтобы скорѣй приблизиться къ миру. А къ чему приведетъ опубликованіе договоровъ?

Мы не приблизимъ миръ, а удлинимъ войну. Въ договорахъ разсказано, главнымъ образомъ о преступленіяхъ русскаго царизма, какъ русскій царизмъ долженъ былъ забрать Польшу, Константинополь и многое другое. Я думаю, что ничего позорнаго для нашихъ союзниковъ тамъ нѣтъ, но тамъ

есть такія формулы, которыя для насъ являются не вполнѣ пріемлемыми. Тамъ, вѣроятно, сказано—Эльзасъ и Лотарингія, безъ опроса населенія прямо возвращаются Франціи, ибо Франція считаетъ, что онѣ принадлежатъ ей и насильственно отторгнута отъ нея. Тамъ, навѣрно указаны тѣ итальянскія провинціи, которыя должны, безъ опроса населенія прямо вернуться къ Италіи. Это провинціи, захваченныя Австріей. Вотъ это все для насъ, соціалистовъ, непріемлемо. Имѣются, вѣроятно, и другіе пункты еще менѣе пріемлемые для насъ. Что же будетъ, если мы опубликуемъ договоры? Въ Германіи раздается крикъ восторга, радости, и гдѣ,—въ правящихъ классахъ, въ генеральномъ штабѣ, у Вильгельма. Ибо тогда они обратятся къ германскому народу и скажутъ: кто говорилъ вамъ правду? Мы, германское правительство, которое утверждало, что нѣмцы только защищаемъ, а весь міръ напалъ и хочетъ уничтожить насъ. И что сумѣетъ отвѣтить нѣмецкій народъ. Онъ, конечно, спроситъ:—какіе договоры вы заключили. Но, къ счастью для германскаго правительства къ несчастью для насъ, нѣтъ у Германіи такого революціоннаго и наивнаго союзника, какъ мы для Франціи, для Англіи. И она откажется опубликовывать свои договоры, какъ это было и до сихъ поръ. Они скажутъ только: ничего тамъ плохого нѣтъ, или, что никакихъ договоровъ и не существуетъ. И германскій народъ, который мы хотимъ воодушевить на воззваніе, будетъ поставленъ въ отчаянное положеніе и будутъ ликовать правящіе классы, а плакать трудящійся классъ. Мы, кто хотимъ приблизить окончаніе войны, мы хотимъ заключить миръ и мы нашимъ поступкомъ приведемъ къ тому, что революціи въ Германіи не будетъ, а будетъ война долгая и длительная во всей Европѣ. И вотъ что я предложу: одновременно опубликовать всѣ тайные договоры: и наши, и нашихъ союзниковъ и германскіе. (Голоса: правильно, аплодисменты). Пусть договоры будутъ опубликованы одновременно, ибо тогда весь міръ узнаетъ, что если у союзниковъ есть грѣхи, то съ грѣхами, лежащими на совѣсти германскаго правительства, они ничтожны. И міръ будетъ знать, что главная вина лежитъ на той сторонѣ. И это подыметъ революціонное настроеніе въ германскомъ народѣ. Давайте согласимся на этомъ и этой заповы у насъ въ сердцѣ уже не будетъ. Я буду счастливъ, если въ вашихъ сердцахъ получится нѣкоторое

облегченіе. Сейчасъ товарищи нужно друже-нужно убѣдить нашихъ союзниковъ, пересмотрѣть старые договоры, потому что намъ не нужны договоры, заключенные старымъ царистскимъ правительствомъ. Я васъ спрашиваю, какими путями идти къ пересмотру договоровъ. Я утверждаю есть только два пути, естественные два пути. Первый—это путь давленія на союзныя правительства, черезъ русское правительство, въ которое вошли наши посланцы. Они въ первомъ пунктѣ своей деклараціи говорятъ, что они предпримутъ шаги чтобы убѣдить союзниковъ созвать конференцію и пересмотрѣть договоры. И вчера товарищъ Вандервельде, соціалистическій министръ, отъ имени бельгійскаго правительства, сказалъ, что присоединяется къ нашей декларации. Альбертъ Тома, соціалистъ, который является посланцемъ отъ имени Франціи, сказалъ, что твердо увѣренъ, что французская демократія присоединится къ нашимъ требованіямъ. Мы знаемъ, что одна великая демократія, демократія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ провозгласила тѣ принципы, о которыхъ мы здѣсь говорили. Вильсонъ въ своемъ посланіи говоритъ о тѣхъ условіяхъ мира, о которыхъ мы здѣсь говоримъ.

У насъ союзниками-республиканцами образуется тѣсное единеніе. Великія демократическія республики объединяются на основѣ тѣхъ требованій, которыя мы здѣсь постановляемъ. Такое единеніе будетъ легко создать и тогда можно будетъ заставить Англію присоединиться къ намъ и выступить вмѣстѣ съ декларацією о мирѣ, которую мы здѣсь предлагаемъ. Противъ Англіи можно говорить, что угодно: что она капиталистична, имперіалистична. Но я долженъ вамъ напомнить одно, что Англія—родина европейской свободы. Тамъ выработалась первая демократія Европы. И въ тотъ моментъ ни одно англійское правительство, которое не согласится съ этимъ требованіемъ, не удержится въ странѣ. Англійская демократія очень быстро присоединится къ намъ, я въ это вѣрю. И у насъ остается другой путь. Путь обращенія къ народамъ, чтобы они присоединились къ намъ, путь давленія на другія правительства черезъ ихъ демократіи и мы должны прежде всего обратиться къ англійской и французской демократіи и призывать на борьбу вмѣстѣ съ нами. Пускай наша делегація, которая отправится на конгрессъ, пусть она объѣдетъ и союзныя страны, пусть она заявитъ о

томъ, что требуетъ Всероссійскій Крестьянскій Съѣздъ, пусть объявитъ то, что желаетъ россійская революціонная демократія. И я убѣжденъ, что такимъ путемъ всѣ союзники присоединятся къ нашей деклараціи. Но по этому пути мы должны идти безъ роковыхъ ошибокъ, которыя приведутъ къ обратнымъ результатамъ. Я уже говорилъ, какое впечатлѣніе произведетъ на нашу союзническую демократію наше отношеніе къ войнѣ. Нашъ крикъ о сепаратномъ перемиріи. Наше фактическое сепаратное перемиріе. Они кричатъ: вы провозгласили братство, равенство и свободу. Но не такіе-ли вы намъ братья, какимъ братомъ былъ Каинъ Авелю. Вотъ что кричитъ намъ союзническая демократія, и мы должны своими словами не вызывать такихъ дѣйствій. (Апплодисменты).

Въ своемъ докладѣ я вамъ говорилъ о томъ, какое впечатлѣніе можетъ произвести наше сепаратное перемиріе на германскихъ товарищей. И вотъ теперь я долженъ вамъ сообщить, что мои предположенія оправдались, то, что я теперь узналъ, привело меня въ ужасъ, ибо я увидѣлъ своими глазами то, что я только предполагалъ. Что за эти 2 мѣсяца шовинистическое воинственное настроеніе въ правящихъ классахъ въ Германіи страшно поднялось. Никогда въ Германіи не было такого воинственнаго настроенія, какъ во время русской революціи. Почему? Потому, что они боятся насъ, потому что исчезъ восточный фронтъ, потому что они теперь смѣло могутъ обращаться къ германскому народу, звать его на побѣдоносную войну. Вы должны знать правду: шовинистическое настроеніе въ Германіи растетъ. Мы всѣ жаждемъ мира, а между тѣмъ удлиняемъ войну и прекращаемъ пути къ миру. Итакъ, товарищи, я кончилъ съ этой первой «занозой».

Опубликованіе договоровъ—безсмыслица. У насъ есть другой путь—пересмотръ и заключеніе новыхъ договоровъ. И теперь, товарищи у меня остается только одинъ послѣдній пунктъ, послѣдній припѣвъ, который сопровождалъ рѣчи большинство ораторовъ. Это о томъ, что Франція и Англія не присоединились до сихъ поръ къ нашимъ требованіямъ мира. И что, когда мы пойдемъ умирать за революціонную Россію, мы не будемъ увѣрены что мы умираемъ за революціонную Россію а не за капиталистическую Англію и Францію. Я глубоко убѣжденъ что и эта заноза совершенно вы-

думана и вымышлена. Если вы только на одну минуту вдумаетесь, то поймите, что это такъ. Товарищи, мы говоримъ. Франція и Англія борятся за свои капиталистическіе интересы, и мы не знаемъ—не помогаемъ-ли мы въ этомъ Франціи и Англіи. При этомъ мы говоримъ такъ, какъ будто забываемъ, что вѣдь Германія то еще не согласилась на нашъ миръ, не пришла и не сказала: я принимаю ваши условія. Вѣдь до сихъ поръ, если мы будемъ воевать съ Германіей, мы будемъ воевать съ той Германіей, которая не хочетъ мира, который мы предлагаемъ, съ той, которая хочетъ завоеваній, которая заняла 18 губерній и угрожаетъ нашей революціонной свободѣ. Мы будемъ сражаться и защищать русскую революцію и свободу. И я вамъ, товарищи, открою секретъ, какъ разрѣшить этотъ вопросъ. Секретъ простой: въ моментъ, когда мы своей боевой силой заставимъ Германію принять наши условія, въ тотъ моментъ, когда перейдя въ наступленіе или даже только подготовивъ его, мы заставимъ Германію понять, что насъ разбить нельзя, въ тотъ моментъ, когда Германія обратится къ намъ, пускай тамъ будетъ революція, или даже Вильгельмъ обратится къ намъ и скажетъ: мы принимаемъ миръ съ вашими условіями, безъ аннексій и контрибуцій, миръ съ разоруженіемъ и третейскими судами и что сдѣлаемъ мы тогда? Даже не ожидая отвѣта отъ Франціи и Англіи, мы немедленно прекратимъ войну, ни одной капли крови не прольемъ. Ибо кромѣ договоровъ, писанными человѣческими руками, есть договоры—Божіи, договоры съ совѣстью и свободная революціонная Россія никогда не прольетъ ни одной капли крови, если противники наши согласятся на справедливый миръ, ни своей, ни чужой. (Бурные апплодисменты). Если нашъ противникъ придетъ къ намъ и скажетъ, что принимаетъ наши условія, то мы немедленно прекратимъ войну. Вы скажете: это будетъ сепаратный миръ,—не бойтесь. Я жилъ во Франціи десять лѣтъ и люблю эту демократическую страну и ни минуты не сомнѣваюсь, что Франція поступитъ также. И я глубоко убѣжденъ, что всѣ демократіи міра заставятъ свои правительства въ тотъ моментъ заключить миръ. Вотъ, что я предлагаю. (Бурные апплодисменты). Я думаю, если вы вдумаетесь, вы увидите, что я говорю истинную правду.Я снова возвращаюсь къ тому вопросу, который, я убѣжденъ, больше всего волнуетъ васъ.

Мы обсуждаемъ вопросъ теперь самый страшный, самый острый, вопросъ о войнѣ, но самый важный вопросъ, который больше всего волнуетъ наши сердца—это вопросъ о землѣ, ибо сердце крестьянское горитъ землей. И я долженъ вамъ сказать, что и мое сердце горитъ землей. Я не крестьянинъ, я интеллигентъ. Никогда о землѣ не жилъ, но сколько я себя помню—вѣдь бываетъ такъ, что люди родятся съ одной идеей, съ одной мечтой,—можетъ быть, оттого что мой братъ, который умеръ на каторгѣ, говорилъ мнѣ, малому ребенку, о землѣ, но я всегда горѣлъ землей. И какъ только я смогъ работать—я бралъ книжки о землѣ и работалъ по-земельнымъ вопросамъ: и когда можно было въ Россіи говорить, я изъ города въ городъ ѣздилъ и страстно говорилъ о землѣ, о той программѣ, которую развиваетъ наша партія. Когда я говорилъ, горячо и страстно, крестьяне, слушавшіе меня, смотрѣли мнѣ въ глаза и апплодировали, а люди образованные, другихъ классовъ, говорили: это интересно но это—утопія, мечта... Товарищъ Бунаковъ, вы строите волшебный замокъ, который никогда не претворится въ дѣйствительность. Я отвѣчалъ со страстью, посмотримъ, что скажетъ жизнь. И вотъ черезъ 11 лѣтъ я вернулся снова въ родную землю, я пришелъ въ это крестьянское собраніе. И вотъ многіе подходятъ ко мнѣ и говорятъ мнѣ товарищъ Буанковъ, вы с. р. выдумали соціализацію земли, программу о землѣ, но вы напрасно это приписываете себѣ, вы просто послушали, что говорятъ крестьяне, походили по деревнѣ и теперь выдаете за свое. И я вижу, какъ моя мечта, какъ наша мечта, этотъ волшебный замокъ превращается въ живую дѣйствительность, облекается въ плоть и кровь, я слышу какъ строится фундаментъ нашего замка, я слышу, слышите-ли вы, товарищи, какъ стучатъ молотки, какъ визжатъ пилы, какъ ставятся лѣса и съ отчаяніемъ въ душѣ я спрашиваю себя: неужели, товарищи, мы не осуществимъ нашу мечту, неужели мы не достроимъ этотъ волшебный замокъ до конца, въ которомъ будетъ такъ вольно и прекрасно жить русскому народу. Неужели мы разрушимъ его по своей винѣ. Неужели вся наша постройка превратится въ дымъ. Со страшнымъ напряженіемъ воли , я давлю въ себѣ эти сомнѣнія и кричу: нѣтъ, этого быть не можетъ. Я вѣрю въ русскій народъ. (Бурные апплодисменты).

Государственная публичная историческая библиотека РСФСР

ORNL-56918

Mar. 70
3 p.

w 189

D3-59